

VA R 138.402
178 4

TS 4.941
УДК 91(075)
138.402

I.

Изъ поѣздокъ въ Сванію.

(Лѣтомъ 1911 и 1912 г.).

I. Бѣглые археологическо-этнографическіе наброски. — II. О результатахъ лингвистической работы. Нѣкоторые общіе вопросы въ освѣщеніи сванскаго языка. — III. О типахъ мѣшанаго языка и о заимствованіяхъ. — IV. О переводѣ св. Писанія на грузинскій языкъ и такъ называемыхъ арменизмахъ въ грузинскомъ. — V. Изъ армянской до-христіанской письменной терминологіи: *erg-q žašid ew račid*. — VI. Къ языку ванскихъ клинообразныхъ надписей. — VII. О миграціяхъ вѣстическихъ народовъ.

I.

Страна свановъ или Сванія расположена на верхнихъ теченіяхъ Ингура и Лашхѳира (საშვირს Lāšqvir < საშვირს Lāšqur), называемаго обыкновенно грузинскимъ терминомъ Цхенис-цкали, т. е. *Лошадью* *рыкою*, герм. *рыкою Лошадью*. Есть попытка образованныхъ свановъ и термину Цхенис-цкали найти оправданіе въ мѣстныхъ географическихъ условіяхъ, именно въ томъ, что истоки этой рѣки находятся близъ сванскаго села Цена, что потому она называлась «Ценскою водою, а грузины, не разобравшись-молъ, въ чемъ дѣло, въ словѣ «цен» усмотрѣли родное «цхен», означающее *лошадь*, и «Ценскую» рѣку переименовали въ «Цхенскую или Лошадью рѣку. Но это объясненіе въ изложенномъ видѣ виситъ въ воздухѣ, основано на одномъ случайномъ созвучіи словъ, такъ какъ прежде всего никто рѣку эту и въ Сваніи не называетъ по селу Цена (сваны ее называютъ Лашхѳиромъ), а, главное, до появленія грузинъ или бартовъ въ бассейнѣ Цхенис-цкали рѣка эта называлась по-гречески *Ἰππος*, и, конечно, такое именованіе греческимъ словомъ не могло возникнуть по созвучію съ предполагаемымъ названіемъ рѣки «Ценская; слѣдовательно, по одному только созвучію грузинами никакъ не могла быть она наименована «Цхенскою. И раньше можно было догадываться, что грузинскій терминъ есть переводъ мѣстнаго названія, подъ которымъ рѣка была известна въ нижнемъ теченіи, нѣмѣ въ частяхъ Имеріи и Мингреліи, вилоть до

R 138.402
4
30780

впадения въ Ріонъ, и названіе съ нижняго течения было перенесено и на верхнее или верхній, гдѣ у мѣстныхъ жителей, свановъ, была извѣстна подъ другимъ названіемъ, съ извѣстной поры подъ тѣмъ названіемъ, которое дошло до насъ, именно Лашхѹиръ. Теперь же выясняется, что мѣстное названіе, которое передано грузинскимъ Цхенис-цѣкали, должно было возникнуть въ зависимости отъ населявшихъ ея бассейнъ такъ называемыхъ хеніоховъ, т. е. хеновъ или сановъ, геср. ѣановъ; въ связи съ этимъ рѣка дѣйствительно могла называться и «Цен»скою по одной изъ разновидностей названія этого народа, отложившейся, весьма вѣроятно, и въ наименованіи сванскаго села Цена. Названіе Ингуръ (по-мингрельски — Ингиръ) или, какъ произносятъ грузины, Энгуръ у свановъ также заимствованное: нагорные сваны ее называютъ просто рѣкою, въ Верхне-ингурской Сваніи — ზეგის ტალი (шпар. ზეგისა ტალაу), въ Нижне-ингурской Сваніи — соответственнымъ мѣстнымъ словомъ.

Терминъ Ингуръ также внесенъ съ нижняго течения рѣки, которая такъ называлась съ извѣстной эпохи по обитавшему въ ея бассейнѣ народу, мингрельцамъ, если ingur (ingir), равно какъ engur представляетъ форму имени мѣста съ префиксомъ i (или, съ наращеніемъ и на послѣдующій g, i-n) отъ основы gur, названія упомянутого народа¹⁾; но возможно, что и начальный en есть не префиксъ, а такъ же, какъ gur, этническое названіе, именно hen, основа грецизованнаго Ἐνιχοῦσι, съ обычной потерей спиранта h²⁾.

Длина обѣихъ Сваній, нагорной или Ингурской и Лашхѹирской, неравномѣрна, какъ и ширина: Ингурская Сванія вдвое длиннѣе и шире.

Маршрутъ мой 1911-го года былъ таковъ:

Изъ Цагеръ черезъ Лентехъ по Цхенис-цѣкали въ Чолуръ, гдѣ стоянка для работы. Изъ Чолура черезъ Латпарскій переваль и Калу въ Ушкулъ, гдѣ шестнадцать дней работы. Изъ Ушкула черезъ Калу по Ингуру до Ипара, откуда черезъ Угвирскій переваль до Мужала, гдѣ нѣсколько дней

1) Подробности см. I. А. Книшидзе, Мингр.-русскій словарь, **en* подъ *en*.

2) Въ самомъ дѣлѣ, возникаетъ вопросъ, не представляетъ ли собою начальная часть слова en, геср. in такой же этнической терминъ, какъ вторая его часть gur < gir? Части en и in, обѣ съ обычной потерей спиранта, вторая же съ перебойнымъ i вл. и, могли бы восходить къ извѣстнымъ разновидностямъ этническаго термина hen и han (Н. Марръ, Изъ лингвистической поездки въ Абхазию, Изв., 1913, стр. 325 сл.), и въ такомъ случаѣ въ цѣлости engur и ingur явились бы перерожденными пра-формъ *hengur и *hanguar; если бы эта исторія разновидностей названія нашла поддержку и въ другихъ данныхъ, мы получили бы въ нихъ, съ одной стороны, новый примѣръ двухчлестнаго этническаго термина, съ другой стороны, — свидѣтельство о томъ, что въ бассейнѣ названной рѣки жилъ народъ ибѣаннаго племеннаго типа, хен-гуры или хон-гуры, т. е. сан-егеры или сон-егеры, слѣдовательно, двойникъ эгер-свановъ.

работы. Изъ Мужала мимо Мулаха и Местіи черезъ Ленжеръ, Латаль и Бечо въ Эцерь, гдѣ нѣсколько часовъ работы. Изъ Эцера въ Тавраръ, гдѣ нѣсколько дней работы. Изъ Таврара въ Лахамулу, гдѣ нѣсколько дней работы. Изъ Лахамулы въ Эцерь, гдѣ день работы. Изъ Эцера обратно черезъ Бечо, Латаль, Ленжеръ, Угвирскій переваль и Ишаръ, гдѣ нѣсколько часовъ работы. Изъ Ишара въ Казу и черезъ Латнарскій переваль въ Лашхъ, именно Сасашъ, гдѣ три дня работы.

Въ Сасашѣ работы были прекращены, и я выѣхалъ прямо въ Цагеры и домой.

Маршрутъ 1912-го года:

Рабочія стоянки въ Нижне-цхенис-цкальской Сваніи — Лентехъ, въ Верхне-цхенис-цкальской Сваніи или Лашхѣ — село Жахундеръ.

Въ Верхне-ингурской Сваніи — Местія (вечеръ за рукописями).

Въ Нижне-ингурской Сваніи — Бечо и Эцерь, откуда черезъ два громаднѣхъ перевала въ Абхазію по Кодору и въ Сухумъ.

О странѣ свановъ имѣется довольно обширная литература. Сваніею интересовались съ различныхъ сторонъ, прежде всего какъ малодоступною, «дикую» страну, въ которой должны были, какъ предполагалось, храниться залежи дѣвственныхъ богатствъ какъ матеріальныхъ, такъ и духовныхъ, или оставшихся въ непочатомъ видѣ отъ первобытности, въ родѣ первичныхъ формъ общественной жизни, или занесенныхъ изъ менѣ защищенныхъ культурныхъ центровъ, въ родѣ памятниковъ христіанской письменности и вообще церкви.

Интересовались Сваніею прежде всего, конечно, какъ страну величественныхъ горныхъ пейзажей и красивѣйшихъ ландшафтовъ, вообще эффектныхъ картинъ природы. Она въ этомъ смыслѣ заслужила названіе Кавказской Швейцаріи.

Этнографическій интересъ къ Сваніи былъ всегда на первомъ планѣ. Наиболѣе серьезнымъ приобрѣтеніемъ въ этомъ отношеніи мы обязаны о. Виссаріону Нижарадзе, нынѣ благочинному всѣхъ сванскихъ церквей. Его грузинскія статьи, специально переведенныя на русскій, послужили однимъ изъ источниковъ М. М. Ковалевскому при составленіи его извѣстнаго труда «Законъ и обычай на Кавказѣ».

Цѣлый рядъ замѣтокъ этнографическаго и географическаго характера помѣщенъ въ Сборникахъ матеріаловъ для описанія мѣстностей и племенъ Кавказа: среди нихъ наиболѣе обстоятельна — работа В. Я. Тепцова¹⁾.

1) Сванетія (Географическій очеркъ), СМ, X, отд. I, стр. 1—68.

Чисто научный интерес къ Сваніи и систематическое его нарастаніе было проявлено въ археологическомъ отношеніи. Сванскія иконы и эмали, сванскія древнѣйшія рукописи, въ томъ числѣ известная Коридская рукопись греческаго Евангелія, признанныя по слухамъ древнѣйшими списки грузинскаго перевода Евангелія способны были вскружить голову и специалистамъ и любителямъ. Счастливыя обстоятельства оставили, однако, преобладаніе за учеными и серьезными изслѣдователями. Достаточно назвать имена Бартоломей, Brosset, Бакрадзе, графини Уваровой, Такайшвили и о. Корнелія (прот. К. С. Кекелидзе). Греческій текстъ сохранившейся въ Сваніи Коридской рукописи уже напечатанъ проф. Грегори въ Лейпцигѣ.

Отецъ Корнелій недавно обнарудовалъ съ цѣннымъ изслѣдованіемъ въ русскомъ переводѣ замѣчательнѣйшій памятникъ христіанской письменности, сохранившійся въ древне-грузинскомъ переводѣ — по сванской рукописи: это — Иерусалимскій канонарь VII-го вѣка¹⁾. Но въ послѣднюю экспедицію въ Сванію, снаряженную на частныя средства (кн. П. Тумановой) въ 1910 г. подъ руководствомъ Е. С. Такайшвили, такъ исчерпывающе, повидимому, описаны всѣ археологическіе памятники, что работать въ этой области до обнаруженія результатовъ названной экспедиціи мнѣ представилось нецѣлесообразнымъ.

Отъ избытка собранныхъ неутомимымъ изслѣдователемъ грузинскихъ древностей матеріаловъ полный фотографическій снимокъ одного памятника, именно Адишскаго Евангелія съ двумя датами 897 и 1001, поступилъ въ распоряженіе Имп. Академіи Наукъ. Изученіе его грузинскаго текста обѣщаетъ чрезвычайно любопытные выводы, хотя и не въ пользу утверждавшейся древности самого списка.

Одно специальное порученіе меня заставило урвать въ самой Сваніи цѣлый вечеръ для нѣсколькихъ десятковъ полныхъ и дефектныхъ грузинскихъ рукописей, въ составѣ которыхъ были замѣчены рѣдчайшіе тексты, навѣрно, вошедшіе въ описаніе Е. С. Такайшвили. Я упомяну лишь на всякій случай, что попались мнѣ на глаза Житіе Петра Ивера въ болѣе

1) См. рецензію въ ХВ, 1912, I, стр. 114—122; кстати, на поставленный здѣсь (стр. 122) вопросъ, «не описка ли самой рукописи или опечатка въ 315,» [правильное, но пока не засвидѣтельствованное чтеніе] *ἰαγμ-αῖ* вм. обычнаго [, но искаженнаго] *ἰαγμ-αῖ*, къ сожалѣнію, приходится отвѣтить положительно, что это — оечатка: въ рукописи читается *ἰαγμ-αῖ* не только въ цитованномъ мѣстѣ, но и въ другихъ случаяхъ, напр. въ чтеніи изъ Посланія Павла къ Тимофею (рп., л. 31²).

древнемъ спискѣ, чѣмъ тотъ, по которому мною оно было издано¹⁾, и грузинская версія Житія Варлаама и Иоасафа.

Кромѣ того, гимназистъ Иламазъ Дадишкеліани, сынъ кн. О. Т. Дадишкеліани, настоялъ, за что я ему очень благодаренъ, посмотреть въ церкви св. Георгія (გეორგი dgarag)²⁾, въ десяти минутахъ ходьбы вверхъ отъ дома князя въ селеніи Баршѣ, дефектный пергаментный списокъ грузинскаго Евангелія; въ немъ за Евангеліемъ Марка, по словамъ осматривавшаго его молодого нѣмецкаго путешественника Kluge, читались будто какіе-то апокрифическіе евангельскіе стихи. Эти мнимые евангельскіе стихи оказались слѣдующаго содержанія:

ამის წინს სანსრუბის
დაწერა ეფდ ინაჲ
სუშტინის ძემნ იუ-
რს³⁾ და დანიწერა მისნი-
თა სანსრუგითა

О. т. л. т. л. მოიგნენ
ინაჲ სუშტინის ძე
მეჟუღე და ძენი
მისნი და შეუბდებენ
უნე ცდვან მთნი სნ.

«О списаніи сего св. Евангелія сначала озаботился Инай Хештинисдзе: его попеченіемъ и написано оно. Господи Боже, помини Инай Хештинисдзе, его супругу и сыновей и прости имъ ихъ прегрѣшенія. Аминь⁴⁾».

Эта запись цѣлѣна въ томъ отношеніи, что фамилія Хештинисдзе, хотя и облечена въ грузинскую форму (-is-dē), но по основѣ qeshin, несомнѣнно, сванская, и если носитель ея былъ сванъ⁵⁾, что вѣроятно, то находженіе грузинскихъ рукописей въ Сваніи можно объяснить не только занесеніемъ ихъ туда, но и заказами самихъ образованныхъ свановъ. Помимо монастырей, которые были въ Сваніи, имѣлись въ ней, судя по всему, и просвѣщен-

1) Правосл. Палест. сборникъ, т. XVI, вып. 2, С.-Пб. 1896.

2) Маленькая фамильная церковь, гдѣ раньше хоронились князья Дадишкеліани; въ ней древняго типа-каменная алтарная перегородка съ арочками; на антральтахъ въ медальончикахъ написаны головы святыхъ съ надписями: 1) წ. ა. ს. ს. *სე. Варвара*, 2) წ. ა. ს. ს. *სე. Еватерина*.

3) Обыкновенно იუჯი.

4) Въ концѣ Евангелія Луки другая запись также почеркомъ текста:

მეჟუღე და ძენი
მისნი და შეუბდებენ
უნე ცდვან მთნი სნ.

«Христе Боже, поминуй духовно грѣшнаго писца сей книги Георгіа».

5) Мнѣ говорили, что такая сванская фамилія извѣстна и сейчасъ въ Инарѣ, но разспросы выяснили, что съ «Хештинис-дзе» отождествили инарскую фамилію ს. ს. ს. qwistan (мн. ს. ს. ს. qwistanar).

ныя христіанскія общины, особенно среди знати. Вопросъ другой, что сообразно съ немногочисленностью сванской знати, мѣстами совершенно исчезнувшей, общины эти были небольшія, какъ и миниатюрныя сванскія приходскія церкви.

Какъ вездѣ, знать легко поддавалась внѣшнему вліянію и господствующимъ религіямъ сосѣднихъ странъ (среди нынѣшнихъ князей Дадишкеліани есть и мусульмане), но народъ оставался по существу вѣренъ своимъ исконнымъ до-мусульманскимъ и до-христіанскимъ вѣрованіямъ.

По мѣрѣ того, какъ я сталъ не только видѣть, но и слышать и понимать свановъ, ихъ интимные традиціонные интересы, я началъ ощущать, что меня въ Сваніи отъ остального міра отдѣляютъ не однѣ Кавказскія горы съ ихъ высокими гребнями, трудными перевалами и глубокими ущельями: меня отдѣляли и тысячелѣтія культуры. Какъ въ бытность на Афонѣ мнѣ казалось, что я перенесенъ въ эпоху византійско-христіанскихъ духовныхъ интересовъ, такъ въ Сваніи я чувствовалъ себя окруженнымъ языческой культурной атмосферою эпохи «урартійцевъ» или даже почитателей «впшаповъ». Христіанскія церкви, глубоко чтимыя христіанскія святыши, христіанскіе праздники, строго соблюдаемое внѣшнее проявленіе христіанской обрядности, какъ-то крестное знаменіе, внесены въ языческо-культурный бытъ народа, какъ новые красивые декоративные узоры. Христово слово до народа и не доходило по отсутствію Евангелія на сванскомъ языкѣ, да и по неграмотности какъ самого народа, такъ и близко стоявшихъ къ нему прежнихъ «паповъ-священниковъ». Что касается новыхъ образованныхъ священниковъ, то ихъ народъ до послѣдняго времени приближалъ къ себѣ лишь по мѣрѣ усвоенія ими народныхъ вѣрованій. Христіанскимъ богослуженіемъ народъ не интересуется. Церковнаго пѣнія, т. е. христіанскаго религіознаго пѣнія сванскаго нѣтъ, но есть, и я слышалъ его, сванское языческое религіозное пѣніе, производящее глубокое впечатлѣніе.

Въ селѣ Ушкулѣ есть чрезвычайно чтимая церковь Богоматери или по-свански—*Lamagia*. Восьмого сентября я направился въ церковь въ надеждѣ увидѣть народъ на молитвѣ. Сначала я былъ въ единственномъ числѣ. Спустя нѣкоторое время появился мѣстный богомолецъ, но съ живымъ приношеніемъ — барашкомъ, котораго было трудно поднять въ высокій церковный дворъ. Присоединились еще три свана, одинъ съ бѣлымъ барашкомъ, одна женщина, вдова.

14-го сентября я выѣзжалъ изъ Ушкула по направленію къ Калѣ. Меня сопровождали два свана, мой учителя, одинъ извѣстный охотникъ, угощавшій меня какъ-то турьимъ мясомъ, другой — мѣстный судья. Надо

было видѣть ихъ умиленныя лица, когда они съ гордостью указывали мнѣ, при проѣздѣ черезъ кварталъ *ᄂᄃᄅᄇ ᄆᄇᄇᄅ*, на противоположной его окраинѣ, жертвеннаго быка откармливаемого, по-свански *ᄆᄃᄃᄅᄃᄅ ᄃᄃᄅ ᄆᄃᄃᄅᄃᄅ ᄆᄃᄃᄅ*, съ великолѣпными рогами: рога напомнили мнѣ формой рельефныя бычьи головы на каменныхъ «вишар»ахъ Геѣамскаго плоскогорья надъ Гарни. Такой священный быкъ — предметъ благоговѣйнаго отношенія: ему все открыто; если войти въ пашню, его нельзя гнать; его ни въ какомъ случаѣ нельзя ударить.

Жизнь бѣдныхъ свановъ полна праздниковъ. Каждую недѣлю три дня праздника, такъ въ Ушкулѣ: пятница, суббота и воскресенье. Къ концу лѣта 1911-го года, въ августѣ, выпалъ ранній снѣгъ, надо было спасти хотя бы на сѣно ячменное поле, снѣжили уборкою, рабочихъ рукъ не было, но всетаки этого еженедѣльнаго трехдневнаго праздника не нарушали. Кромѣ того, цѣлый рядъ чисто сванскихъ праздниковъ; правда, сванскіе праздники бывають и не общіе, такъ, напр., 6-го сентября въ Ушкулѣ былъ праздникъ двухъ кварталовъ Жибановъ и Мукбановъ, а два другіе квартала или села работали, впрочемъ въ угощеніи принимаютъ участіе и не въ свои праздники. Нѣкоторые праздники длятся по нѣскольку дней, такъ, напр., угощенія въ Запар, праздникъ, приуроченный къ Пасхѣ, тянутся три дня, иногда недѣлю, а въ Нижне-ивгурской Сваніи, какъ передавали мнѣ, и «цѣлый мѣсяць».

Въ «заговѣнне Петропавловскаго поста» (по-груз.: *ᄆᄃᄃᄅᄃᄅ ᄆᄃᄃᄅᄃᄅ ᄆᄃᄃᄅᄃᄅ ᄆᄃᄃᄅᄃᄅ*) большой праздникъ, называемый *ᄆᄃᄃᄅᄃᄅ ᄆᄃᄃᄅᄃᄅ ᄆᄃᄃᄅᄃᄅ* *ᄆᄃᄃᄅᄃᄅ*, въ Лашхѣ — *ᄆᄃᄃᄅᄃᄅ ᄆᄃᄃᄅᄃᄅ*, въ Мулахъ — *ᄆᄃᄃᄅᄃᄅ ᄆᄃᄃᄅᄃᄅ*.

Праздникъ дится два дня, воскресенье и понедѣльникъ. Въ селеніи Местіи, кромѣ обычнаго канона чествованія, сводящагося къ жертвоприношеніямъ, моленіямъ и, конечно, попойкѣ, особую роль играетъ фигура льва съ разинутою пастью, на которую накинуть намордникъ; она сдѣлана изъ шелка и, надуваясь, принимаетъ видъ скульптурнаго произведенія; она пришта какъ знамя къ древку и сохраняется, какъ мнѣ говорили, въ мѣстной церкви. Къ 3-мъ, 4-мъ часамъ дня въ названный праздникъ фигуру торжественно выносятъ изъ церкви. Одинъ изъ всадниковъ беретъ ее и гонитъ лошадь, съ нимъ бѣжитъ группа въ 10, 12 человекъ въ перегонку. Левъ надувается и на народъ производитъ впечатлѣніе живого. Такъ пробѣгаютъ два, три раза, и относятъ его въ церковь¹⁾.

1) Описаніе самаго знамени см. граф. П. С. Уварова, Матеріалы по археологій Кавказа, X, стр. 131—133, тамъ же рис. 46, 47.

Рядомъ съ христіанскими священниками имѣются языческіе жрецы: въ Ушкулѣ они называются *კალსუანარ qalswan-ar* (ед. ч. *კალსუან qalswan*), въ Лашхѣ—*მულზონა mulzona* или *მულზონარ mulzon-ar* (въ ед. ч. *მულზონ mulzon*). Въ одномъ изъ селъ Лашха, именно въ Сасашѣ, славящемся минеральною водою, на пасхѣ совершается особый мѣстный праздникъ. Очередные хозяева праздника дѣлаютъ приглашеніе (по-св.: *ლი-ტი ლი-ტი* li-ti, многихъ — *ლი-ტიანელი li-tianeli*): приглашаютъ родныхъ по крови и свояковъ изъ чужихъ деревень къ себѣ. Они приходятъ въ гости за день, другой до праздника. На пасху съ утра изъ Сасашской церкви мулзоны съ священникомъ несутъ иконы изъ приходской въ Квишскую церковь. При несеніи иконъ туда и обратно мулзоны поютъ сванскую пѣсню со славою (*დიდებ დიდებ*). Въ Квишской церкви и священникъ и мулзоны ждутъ жертвователей. Жертвователи несутъ подношеніе: водку, хлѣбъ, свѣчку, овцу, деньги и т. п. Ихъ сопровождаютъ, каждаго его гости. Жертвователи съ подношеніями, оставивъ овецъ во дворѣ, и гости входятъ въ церковь: ихъ встрѣчаютъ мулзоны и священникъ, который къ этому времени успѣваетъ закончить свою христіанскую службу. Мулзоны принимаютъ подношеніе отъ каждаго, благословляютъ его подносителя, отбираютъ тутъ же часть положенную имъ и священнику, остальное возвращаютъ подносителю, который выходитъ во дворъ церкви и угощается тамъ со своими гостями. Овцу рѣжетъ хозяинъ, подноситель: лопатку онъ даетъ мулзону, который и удѣляетъ долю священнику. Особый порядокъ установленъ для жертвуемаго аракъ: жертвенный аракъ, какъ и матеріалъ, изъ котораго его гонять, называется чабанегъ¹⁾. Зерна (кукурузныя или ячменныя) на аракъ передаются для храненія довѣренному человѣку (изъ мулзоновъ); собираютъ съ нимъ мулзоны по одной «карвѣ» (*კარვა karwa*) съ дыма и передаютъ ему. Онъ, довѣренный человѣкъ, гонитъ аракъ и получаетъ за трудъ особое вознагражденіе натурою. Такой аракъ несутъ въ церковь въ качествѣ чабанегъ въ числѣ другихъ подношеній.

Въ Сасашѣ мулзоны выбираютъ, въ Ушкулѣ ихъ двойники *qalswan'ы* наследственны; въ отношеніи мулзонства Сасашѣ дѣлится на двѣ части: каждая часть выставляетъ мулзоновъ на общественно-религіозную службу въ свой очередной годъ.

Жертвенные хлѣба бываютъ или праздничные (одни на *უფლისი* Uf-lisi, воскресенье на Оминой недѣлѣ, другіе въ *ჭვივობ* (ჭვივობ) въ маѣ, третьи въ *სიკობ* (სიკობ), въ среднія числа мая въ воскресный день — это

1) Въ Ушкулѣ это названіе мѣры сыпучихъ тѣлъ.

63-11
(519)

приношеніе возводится къ акту жертвоприношенія Авраама), или покойниціе. Покойниціе или поминальные жертвенные хлѣба приносятся 15-го августа (по-груз.: «მარტობის მაგიობას»), въ Крещеніе 6-го января, во 2-й день Пасхи, въ субботу наканунѣ Троицы (по-груз.: «სუბელს წმინდის ხსენებას») и особенно въ промежуткѣ между Новымъ годомъ и Крещеніемъ.

Праздничные жертвенные хлѣба называются божьими (ა სკდრმბათ sa-ğətməθ), а поминальные или покойниціе — хлѣбами «для душъ» (ა სკუპაშ sa-qwpaš)¹⁾. Жертвенные хлѣба снабжены продольными отпечатками трехъ орнаментовъ: а) цѣпи ромбиковъ, б) діагоналей въ квадратикахъ съ крестикомъ на одномъ концѣ, в) сѣтки изъ квадратныхъ клѣточекъ. Первые два отпечатлѣваются на двухъ сторонахъ божьихъ хлѣбовъ, а третій — на хлѣбахъ для душъ. Оттискиваютъ ихъ четырехугольною деревянною дощечкою длиною около пядени, шириною, какъ опредѣляли сами сваны, въ «два пальца». Этотъ инструментъ теперь въ Эцерѣ называется ლადგი la-dgi, а въ старину въ томъ же околоткѣ, по словамъ нѣкоторыхъ изъ эцерцевъ, его называли словомъ явво иранскаго происхожденія დასტაკ dastak, наличнымъ и въ хайскомъ, но въ значеніи *кисти руки*.

Чествуется и Новый годъ. На это чествованіе сваны смотрять отчасти какъ на подготовку къ великому празднику усопшихъ. На мелкомъ орѣхъ зимою растутъ особыя шишки, по-свански называемыя въ Эцерѣ გუო gwí. Когда осыпаются листья, онѣ только и украшаютъ орѣховое дерево (ა შტისენდ შტიჟანდ). Наканунѣ Новаго года эцерцы собираютъ ихъ, связываютъ веревкою или скрученными сучьями (გ. წორქსო) длиною меньше аршина и приносятъ домой. 1-го января до разсвѣта мужчины выходятъ изъ дома, выводятъ съ собою изъ комнаты съ привязи быка, овцу или также лошадь, умываются, беруть заготовленную гирлянду шишекъ (св. gwí), которая до того момента не вносилась въ домъ, обходятъ домъ съ моленіемъ три раза, подходятъ къ запертой двери и просятъ открыть ее. Изъ оставшихся внутри одна, обыкновенно жена, отвѣчаетъ: «Что несешь?» Снаружи отвѣчаютъ: «милости Бога, архангеловъ, Христа». Перечисляются предметы благополучія или благосостоянія по сванскимъ понятіямъ. Это повторяется троекратно, и только послѣ третьяго раза жена возглашаетъ:

გუარ შუკაარ ჭარ სი ბეჯნიერ: სტაკუ! «Да будетъ тебѣ открыта дверь на счастье: пожалуй!»

Гирлянда шишекъ или пучекъ сохраняется до вечера 5-го января, когда послѣ

1) Заслуживаетъ вниманія въ обоихъ терминахъ появленіе картскаго префикса za- въ сванскихъ словахъ: это свойственно лишь эцерскому (ა) говору.

розговѣнья за ужиномъ ее сжигаютъ: получившіеся уголья и золу кладутъ на каменную посуду для печенія хлѣба, называемую по-свански ka . На другой день просѣиваютъ золу черезъ сито, отметаая черные уголья, заливаютъ просѣянную золу освященною или, какъ выражаются сваны, «крещенною» (по-свански: lərgiste), т. е. крещенской водою, принесенною изъ деркви¹⁾, мѣсятъ все, и этимъ тѣстомъ выводятъ по кресту на каждомъ сосудѣ, на каждой посудѣ, на двери, на домѣ. Такіе кресты остаются до слѣдующаго года, когда къ нимъ прибавляютъ новые. Остатокъ тѣста выпекаютъ или сушатъ въ видѣ хлѣба и, когда бываетъ надобность при различныхъ моленіяхъ въ освященной водѣ, разводять въ водѣ и ею, какъ святою, окропляютъ домъ наканунѣ или въ самый день моленія, чтобы изгнать нечистыя силы.

Чествованіе покойниковъ или поминовеніе называется li-ḡāne . Самымъ чтимымъ является поминовеніе 5-го января. Его считаютъ важнѣйшимъ, такъ какъ въ этотъ день въ старину являлись живымъ всѣ покойники въ видѣ тѣней, но такъ какъ однажды мать, узнавъ сына, бросилась къ нему и хотѣла удержать его или точнѣе его тѣнь, то съ тѣхъ поръ явленіе усопшихъ, по преданію, прекратилось въ Сваніи.

Этотъ главный праздникъ усопшихъ начинается съ того, что въ третій или четвертый день новаго года «ставится столъ» (э tabki li-ḡāne), и это длится одну недѣлю, а 5-го января — строгій постъ (li-tme): столъ убирается свѣчами, части изготовленнаго въ тотъ день хлѣба примѣшиваются каждый день въ жертвенные хлѣба новаго изготовленія, пока стоятъ недѣльный столъ.

Въ этотъ день, 5-го января, въ Эцерѣ толкутъ конопляное сѣмя (по-свански: gimḡān) или орѣхъ, начиняютъ тѣмъ или другимъ хлѣбъ и такую постную ѣду, «очень вкусную», ставятъ на деревянномъ блюдѣ (св. ḡāg) или въ лукошкѣ (св. karwa) у окна съ моленіемъ, прося Христа спасти души усопшихъ, а затѣмъ закусываютъ ею же вечеромъ по окончаніи поста передъ ужинкомъ. Въ этотъ день въ сванскомъ домѣ моется все безъ исключенія, утварь, мебель, словомъ, каждый предметъ.

Дѣтское li-ḡāne (э li-ḡāne) готовится отдѣльно: стола (tabāk) не ставятъ дѣтскимъ душамъ, а лишь доску или столъ безъ ножекъ, передъ которымъ вмѣсто скамейки въ качествѣ сидѣнія кладутъ низенькую деревяшку (св. kwil). Дѣтскій столъ убираютъ жертвенными

1) Она приносится въ домъ въ бутылкѣ на Крещеніе и хранится годъ.

хлѣбамъ (ლუფანე ღობე le-*pane diar*) и порціями различныхъ яствъ, въ числѣ ихъ специально для дѣтей молокомъ, и такъ ставятъ его у огня.

Монашеское ლი-*ჟანე* li-*ჟანე* (ა) состоитъ исключительно изъ постнаго. Оно начинается въ Эцереѣ съ перваго дня новогодняго ლი-*ჟანე* li-*ჟანე*, а въ Мулахѣ лишь съ разсвѣта утра, когда поминовеніе кончается, при этомъ столъ монашескаго ли-*იანე* особо убирается зажженными свѣчами и выносится изъ дома: за нимъ въ предшествіи монаха (св. ბებე ber) слѣдуютъ и удаляются всѣ души усопшихъ, приходившихъ въ эти дни для свиданія съ живыми.

Въ სწებელ სიმნობ (1 и 2-го февраля) готовятъ სწებ სიმნ (груз. «зоб-*ჯღღობ*): изъ дерева ჟებზღა ჯაღრა (ср. ჟებზღა ჯაღ-*არ ბერეა*)¹⁾ готовятъ съ 5-го янв., срубаютъ, раскалываютъ, сушатъ.

О вѣрованіяхъ свановъ существуетъ довольно значительная литература²⁾: они описывались или записывались по-русски и особенно о. Виссариономъ Нижарадзе, ушкульскимъ сваномъ, по-грузински, откуда черпали данныя для своихъ путевыхъ замѣтокъ И. И. Иванюковъ, нынѣ покойный, и М. М. Ковалевскій³⁾. Мои случайныя замѣтки съ чужихъ словъ или личныя наблюденія новаго привносятъ мало, но я хотѣлъ бы обратить вниманіе на одну сторону. Какъ и въ лингвистическихъ матеріалахъ, собиравшихъ мало или вовсе не обращали вниманія на мѣстныя особенности, и тому, что имъ хорошо было извѣстно въ одномъ или двухъ селахъ, придавалъ общесванское значеніе: не отмѣчались расхожденія ни въ основномъ, ни въ деталяхъ и особенно въ терминологіи.

О пѣсняхъ и пляскахъ свановъ приходилось и раньше читать, а особенно слышать отъ самихъ свановъ, но лишь во вторую поѣздку я имѣлъ возможность лично наблести эту сторону въ Эцереѣ, благодаря любезности кн. О. Т. Дадишкеліани. Специально для меня князь созвалъ народъ для пѣнія и танцевъ, было имъ устроено книжеское угощеніе, послѣ котораго приглашенные, мужчины и женщины, пропѣли десять основныхъ хоровыхъ пѣсень съ плясками, нѣкоторыя въ двухъ видахъ. Въ одномъ изъ танцевъ дѣятельное участіе принималъ послѣдній изъ могиканъ, по имени Тавадиль,

1) Дерево это благословлено Христомъ, по сванскому преданію: «за нимъ, только за нимъ могъ укрыться Христосъ; всѣ остальные деревья Христа открывали, когда преслѣдовали Его евреи».

2) Не привожу здѣсь литературы, такъ какъ она будетъ исчерпывающимъ образомъ представлена въ готовящейся въ печати грузинской библиографіи (подъ редакцію кн. И. А. Джавахова).

3) Вѣстникъ Европы, 1886, VIII, стр. 580, прил. 1.

бывшій «бапъ» или «шапъ»: такъ назывались мѣстные, если можно такъ выразиться, «свѣтскіе священники», священники изъ мірянъ.

Пѣніе началось съ обѣда. На полянѣ передъ княжескимъ домомъ, на верандѣ котораго обѣдали князь, княгиня и княжичъ съ гостями, были разставлены угломъ длинныя узкіе столы. Сидѣло за ними съ одной стороны человѣкъ 50, въ большинствѣ мужчины. Аракъ или раки обильно лился. Виночерпн безпрерывно обходили съ кувшинами. По стакану наливали съ одного конца до другого и обратно съ того конца до начала. Въ то же время по рукамъ гулялъ по очереди большой ковшъ, вмѣщавшій нѣсколько стакановъ: каждый, принимая отъ сосѣда, поднималъ его и, произнося здравицу-благословеніе князю, выпивалъ до дна. Князь благодарилъ съ балкона. За каждою здравицею слѣдовала короткая общая пѣснь въ родѣ туша. Тутъ же за столомъ пропѣли двѣ торжественныя пѣсни: одна поется въ великую пятницу, съ нею обходятъ вокругъ церкви и поютъ, пока остаются около церкви, т. е. всю ночь, такъ какъ домой возвращаются въ субботу; пѣсня эта принадлежитъ искарцамъ, служителямъ церкви св. архангеловъ въ сел. Фѣтрегъ (ფეტრეგ). Другая пѣснь, пропѣтая за столомъ, называется Dgəgəg (ჯგჯგ), т. е. святой Георгій. Пѣсни и пляски начинаютъ вымирать. Князь мнѣ сообщилъ, что Бечойское общество славилось особою хороводною пѣсней (г. ფეხელ-ფეჩულ-ი), но въ послѣдній свой прїездъ онъ вынужденъ былъ убѣдиться, что эта замѣчательная пѣсня уже забыта. Изъ наблюденныхъ въ Эцерѣ танцевъ съ пѣснями упомяну объ одномъ: называется онъ шїшрѣг (შეშრეგ). Женщины, числомъ десять, и мужчины, около двадцати, выстроились въ рядъ и начали въ тактъ хлопать въ ладоши (св. ზებე ჯაღ, г. ტაშე tash-i). Пѣніе исполнялось, какъ всегда, двумя партіями, на которыя раздѣляется весь растягивающійся рядъ или стягивающійся кругъ. Первая выступила плясать женщина. Размѣръ пѣсни, тактъ которой обидѣ съ тактомъ танца, два хорая съ однимъ спондеемъ при четырехъ удареніяхъ:

— — — —

Танецъ исполнялся то однимъ лицомъ, то парюю: или дамою при сопровождающемъ кавалерѣ, или кавалеромъ при сопутствующей дамѣ. Плавныя движенія всего корпуса при «игрѣ» ногъ вызывали восхищеніе бывшихъ въ ладоши. Пляска эта была названа мингрельскою какъ по движеніямъ танцовавшихъ, такъ и по мотивамъ пѣсни. Слова сванскія.

Былъ исполненъ и сванскій шїшрѣг (შეშრეგ). Размѣръ его—сочетаніе дѣтля съ хореемъ и двухъ хореевъ при четырехъ удареніяхъ. Его отли-

часть приѣвъ изъ безсмысленныхъ въ настоящее время или по-свански во всякомъ случаѣ непонятныхъ звукосочетаній:

1. wóriǵǵ — géǵǵ
2. wǒshǒŭ — géǵǵ или wǒshǒǒ géǵǵ.

Первая пара, танцующая, руки держала неподвижно-спокойно, кавалеръ на кинжалѣ. Когда смѣнила вторая пара, и выступила дама съ граціозно приподнятыми руками, князь недовольно замѣтилъ, что ея танецъ искаженъ мингрельскимъ вліаніемъ. Кавалеръ, захотѣвшій, повидимому, не уступить дамѣ въ новшествахъ, отличался рѣзкими движеніями и ногъ, и рукъ, что вызвало общее неодобреніе, и они, сдѣлавъ послѣднее движеніе и взявъ на секунду другъ друга подъ руку, тутъ же разошлись.

II.

Поѣздки мои въ Сванію были вызваны не этнографическими или археологическими задачами, а исключительно одною цѣлью — войти глубже въ изученіе сванскаго языка. Располагая каждый разъ ограниченнымъ временемъ, я систематически отстранялъ всякія не только свѣдѣнія, но и впечатлѣнія, которыя могли отнять время у лингвистическихъ работъ. При переходахъ съ одного пункта на другой я устранивался такъ, что меня сопровождалъ сванъ-учитель или два свана-учителя, которые или своею бесѣдою доставляли матеріалъ для наблюденія или опрашивались мною по тому или иному лингвистическому вопросу или по приглашенію произносили стихи, записывавшіеся мною тутъ же верхомъ и провѣрявшіеся на стоянкахъ.

Естественно, описаніе моихъ поѣздокъ, если исключить маршрутъ, не можетъ представить никакого интереса для неспециалистовъ. Это все слова, формы, тексты, опять слова. Если кое-что всплываетъ реального, опять такъ потому, что безъ него нельзя было понять то или иное слово, ту или иную форму.

Въ изученіи сванскаго у меня длинный рядъ предшественниковъ. На первое мѣсто я долженъ поставить въ смыслѣ фундаментальной работы о сванскомъ описательный, но очень полезный трактатъ бывшаго помощника попечителя Кавказскаго учебнаго округа, нынѣ сенатора, М. Р. Завадскаго: его объясненія фактической части сванской грамматики, особенно въ деталяхъ, долго не потеряютъ значенія.

Имена Георга Розена, Услара, конечно, слѣдуетъ помнить, но болѣе плодотворенъ былъ интересъ, возбужденный къ сванскому Кавказскимъ

учебнымъ округомъ: онъ вызвалъ къ жизни работниковъ-свановъ, которые сильно содѣйствовали умноженію матеріаловъ изданіемъ сказокъ, пѣсенъ и глоссаріевъ. Они же и помогли М. Р. Завадскому въ составленіи грамматическаго очерка. Однако, всѣ эти помощники, лишь грамотные, болѣе или менѣе образованные, были лишены специальной подготовки. Нельзя сказать, чтобы и руководителями ихъ работъ преслѣдовалась чисто теоретическая научная задача. Имѣлась въ виду благая цѣль поскорѣе приобщить свановъ къ русской культурѣ, систематически отстраняя, быть можетъ, и по незнанію, посредничество и помощь грузинскаго языка. Не могу сказать, чтобы этимъ путемъ достигнуты были какіе-либо результаты, пожалуй, по новости дѣла, но не можетъ быть двухъ мнѣній о научномъ значеніи русско-сванскаго словаря И. Нижерадзе, вызваннаго этимъ теченіемъ: въ немъ имѣемъ работу, цѣнность которой отнюдь не соответствуетъ ни труду, ни средствамъ, потраченнымъ на ея изданіе. Достаточно сказать, что словарь насыщенъ такими словами, какъ *абажуръ*, *администраторъ*, *азартная игра*, *акклиматизировать*, *амбиція*, *амуніція*, *анализировать*, *анархія*, *ассиминованіе*, *астрономія*, *аэростатъ* и сотни имъ подобныхъ, между тѣмъ, нужно ли указывать, что не только словъ, но и понятій соответственныхъ у свановъ нѣтъ.

Съ другой стороны, сванскія толкованія при этихъ словахъ таковы, что они или даютъ мало (напр., *апскаминсисъ* толкуется «церковная книга») или почти ничего (напр. *антрацитъ* толкуется «извѣстнаго рода черный камень», *энциклопедическій* — словами «общій, всяческій»).

Иногда тенденція избѣгать грузинскихъ словъ заставляетъ замѣнять переводы такими же малоговорящими опредѣленіями, напр. *балалайка* толкуется «одного вида инструментъ для музыкальной игры», хотя тутъ же передъ этимъ словомъ, при толкованіи *балалаечникъ*, вспоминается грузинское слово *ფონგური* *fongur-i*, и оно переводится «играющій на чонгурѣ».

Впрочемъ, есть неточности и по непониманію русскихъ словъ или незнанію сванскихъ эквивалентовъ, напр., *багрянородный* переводится сванскимъ словомъ «царевичъ», *аистъ* не переводится существующимъ у свановъ словомъ, а опредѣляется такъ: «одного рода птица».

Но самый главный дефектъ и этой и всѣхъ другихъ до сихъ поръ появившихся работъ слѣдующій: онѣ не даютъ и намека на то, что существуютъ различныя сванскія нарѣчія, что сванскій языкъ есть абстракція; таковымъ можно считать еще языкъ народной словесности, несомнѣнно, имѣющій въ себѣ признаки общесванскаго литературнаго языка, но его надо раньше изслѣдовать и выиснить, и во всякомъ случаѣ нельзя ушкульское

нарѣчіе или мѣстійскій говоръ навязывать всѣмъ сванамъ, какъ какой-то общесванскій будто всѣмъ понятный языкъ. Часто, напр., лѣшхець, да и мужалець пойметъ грузинское слово или грузинскую форму, но не пойметъ ушкульской сванской рѣчи, нижнеингурецъ мало понимаетъ верхнеингурца, лѣшхець и лентехець еще менѣе понимаетъ ингурскихъ свановъ и наоборотъ. Очевидно, такъ, безъ всякаго знанія мѣстныхъ лингвистическихъ условій, начатое большое педагогически-культурное дѣло не можетъ рассчитывать на прочный успѣхъ, а въ научномъ отношеніи вызываемая имъ къ жизни литература предмета приноситъ менѣе пользы, чѣмъ можно было бы ожидать.

Единственный специалистъ, казалось-бы, прошедшій школу, изъ занимавшихся сванскимъ былъ А. Н. Гренъ, питомецъ факультета восточныхъ языковъ того времени, когда не существовало яфетическаго языкознанія и на соответственномъ разрядѣ не читалась грузинская диалектологія съ курсами сванскаго и другихъ родственныхъ языковъ. И записанные имъ тексты совершенно невозможны, такъ какъ, съ одной стороны, онъ не успѣлъ овладѣть сванскимъ, а съ другой у него было доброе намѣреніе транскрибировать съ щепетильною точностью малѣйшіе отбѣнки, даже индивидуальныя или случайно по недоговоренности возникавшіе, отчего часто у него не различаются основные звуки, но улавливаются какія-то непонятныя особенности тамъ, гдѣ обыкновенно ихъ не бываетъ, словомъ, процѣживается комаръ, но верблюдь проглатывается.

Въ результатѣ получилось такое положеніе, что въ первую поѣздку я много времени потратилъ на проверку матеріала, наличнаго въ литературѣ предмета. Одновременно приходилось отучаться отъ того, что было усвоено по книгамъ.

Выяснилось безспорно, что въ сванскомъ имѣемъ яфетическій языкъ, родственнѣйшій съ грузинскимъ или картскимъ, но стоящій такъ же далеко, даже дальше отъ него, чѣмъ тубал-каинскіе, т. е. чанскій и мингрельскій.

Обнаружилось въ сванскомъ богатство формъ, особенно глагольных, цѣлыя группы новыхъ временъ, въ грузинскомъ не существующихъ. Открыта въ сванскихъ диалектахъ долгота гласныхъ, слабо сохраненная однимъ изъ тубал-каинскихъ, именно мингрельскимъ, и совершенно утраченная картскимъ. Признаны коренныя яфетическія слова, сохраненныя сванскимъ, въ противовѣсъ замѣстованнымъ, заполнившимъ грузинскій.

Установлены районы позднѣйшихъ вліяній, мингрельскаго въ Нижнеингурской Сваніи, отчасти грузинскаго въ Верхнеингурской Сваніи и какъ

миангрельскаго, такъ и грузинскаго въ Цхенис-цквальской Сваніи отъ Лашха внизъ до Лентеха.

Намѣчено генетическое средство съ однимъ, именно яфетическимъ, слоємъ абхазскаго языка.

Намѣчены исконныя вліянія какъ картскаго, такъ тубал-кайнскихъ, притомъ тубал-кайнскихъ въ такой мѣрѣ, что сванскій приходится признать типомъ мѣшанаго языка: одинъ слой, коренной, родится съ абхазскимъ языкомъ, другой, если не столь же коренной, то всетаки основной, съ тубал-кайнскими. И вотъ очередной вопросъ въ проведеніи между ними разграничительной линіи: въ данный моментъ, конечно, возможны случаи, когда такіе исконные вклады тубал-кайнской группы языковъ мы представляемъ себѣ кореннымъ сванскимъ наравнѣ съ тѣмъ дѣйствительно кореннымъ слоємъ, который роднитъ его съ абхазскимъ.

Установлены четыре нарѣчія: верхне-лѣшхѹирское или лѣшхское, нижне-лѣшхѹирское или лентехо-чолгурское, верхне-ингурское, нижне-ингурское и особо въ нижне-ингурской диалектической средѣ лахамульское. Определены нарѣчія по признакамъ долготы и ея отсутствію, по долготѣ и замѣняющему ее ударенію, по смягченію гласныхъ и его отсутствію, по расхожденіямъ въ склоненіи, именно въ образованіи нѣкоторыхъ падежей, и спряженіи, именно въ образованіи ряда временъ, и, наконецъ, по лексическимъ особенностямъ. Выяснено, что иногда въ ближайшемъ родствѣ находятся говоры отдѣльныхъ, теперь далеко другъ отъ друга отстоящихъ пунктовъ, такъ, напр., поразительны лексическія совпаденія Таврара, села на крайнемъ западѣ Нижне-ингурской Сваніи, съ однимъ изъ говоровъ Цхенис-цквальской Сваніи, именно съ лентехскимъ.

Есть и другія параллельныя явленія или болѣе частныя, но не менѣ существенныя какъ для характеристики самого сванскаго языка, такъ для выясненія его отношенія къ прочимъ яфетическимъ языкамъ, для опредѣленія его мѣста среди языковъ яфетической вѣтви, но въ настоящемъ сообщеніи было бы излишне говорить о всѣхъ фактическихъ наблюденіяхъ. Не хотѣлось, однако, обойти молчаніемъ общіе вопросы въ освѣщеніи сванскаго языка. Въ этотъ разъ останавливаюсь на трехъ или четырехъ вопросахъ: одни изъ нихъ — чисто лингвистическіе, другіе — историко-литературные, третья — историческіе, стоящіе въ тѣсной связи и съ археологіею яфетическихъ странъ. Одни изъ такихъ вопросовъ возбуждены самымъ изученіемъ сванскаго языка, для другихъ оно даетъ лишь матеріалы для опредѣленнаго рѣшенія.

III.

Что въ сванскомъ имѣемъ прекрасно обставленный для изслѣдованія типъ мѣшаного языка, объ этомъ уже печаталось мною, между прочимъ въ специальной замѣткѣ, озаглавленной «Гдѣ сохранилось сванское склоненіе?»¹⁾. Не менѣй общелингвистическій теоретическій интересъ представляеть вопросъ о заимствованіяхъ. Въ противоположность кореннымъ словамъ заимствованныя не подвергаются фонетическимъ законамъ, присущимъ данному языку. Эта простая и, казалось, правильная формула очень облегчала дѣло различенія заимствованныхъ словъ отъ коренныхъ. Чѣмъ болѣе приходилось входить въ сванскій лингвистическій матеріалъ и устанавливать закономѣрныя звуковыя соотношенія между сванскимъ и родственными, картскимъ, чанскимъ, мингрельскимъ и др., тѣмъ болѣе становилось яснымъ, что надо отказаться отъ указанной мертвой формулы. Есть различные виды заимствованія. Всѣ заимствованія, естественно, представляютъ собою результатъ вліянія одного языка на другой, но это вліяніе имѣеть рядъ восходящихъ степеней. Вліяніе одного и того же языка на опредѣленный родственный языкъ бываетъ различное въ различныхъ случаяхъ, иногда полное, доходящее до окончательнаго вытѣсненія мѣстнаго слова словомъ вліяющаго языка, иногда частичное, вносящее въ слово мѣстнаго языка лишь одну изъ особенностей родственнаго слова того языка, который вліяеть. Такъ, существуетъ законъ яфетической сравнительной фонетики, по которому въ огласовкѣ именъ гласному «а» картскаго языка соответствуетъ «о» (при полногласіи два «о») въ тубал-каинскихъ языкахъ и «е» въ сванскомъ, напр., к. ღაღლი დაღლი-собака, м. ჟოღლი ღოღოღ-и, св. ჟეღ ჟეღ-и, но въ то же время существуетъ законъ и касательно согласныхъ: въ данномъ случаѣ совершенно закономѣрно картскому ḍ соответствуетъ тубал-каинскій ḍ и въ такомъ случаѣ въ сванскомъ имѣемъ j, картскому l соответствуетъ тубал-каинскій или мингрельскій l или, какъ въ данномъ словѣ, r и въ такомъ случаѣ въ сванскомъ имѣемъ полугласный w. Изъ многочисленныхъ законовъ сравнительной яфетической фонетики относительно согласныхъ теперь извѣстенъ хорошо и слѣдующій: звуку s картскаго языка соответствуетъ тубал-каинскій ш, и въ такомъ случаѣ въ сванскомъ надлежитъ быть, по нормѣ одного наличнаго въ немъ яфетическаго слоя, звуку p или его замѣстителю l, по нормѣ другого яфетическаго слоя, — звуку q > q. И вотъ беремъ мы числительное три: въ картскомъ оно звучитъ ლჷმ-и sam-i, въ мингрельскомъ ლჷმ-ი sam-i и въ сванскомъ ლჷმ sem, т. е. въ отношеніи огласовки за-

1) Изв. 1911, стр. 1199—1206; см. также Тубал-каинскій вкладъ въ сванскомъ, I (Изв. 1912, стр. 1093—1096).

конь сравнительной яфетической фонетики соблюденъ безъ нарушенія (и вм. «о» въ тубал-кайнскомъ $\text{ʃ}^{\text{d}}\text{o}$ *sum-i* объясняется, какъ теперь установлено, вліяніемъ губного ш), слѣдовательно, какъ того требуетъ законъ, при картскомъ «а» имѣемъ тубал-кайнскій «о» (> и) и сванскій «е», но согласный повторяется одинъ и тотъ же во всѣхъ разновидностяхъ, именно s; этого ни въ какомъ случаѣ не могло быть первично. Если s первиченъ въ данномъ случаѣ для картскаго слова $\text{ʃ}^{\text{d}}\text{o}$ *sum-i*, то въ тубал-кайнскихъ слѣдовало бы имѣть $\text{ʃ}^{\text{d}}\text{o}$ *sum-i* и въ сванскихъ **sem* (> **lem*), *gesp.* **new* (> **lew*) или **ʃem* (> *qem*), *gesp.* **qew* (> **qew*)¹). Изъ тубал-кайнскихъ мингрельскій совершенно утратилъ родную форму, въ настоящій моментъ утрачена она и въ другомъ тубал-кайнскомъ, именно чанскомъ; во всякомъ случаѣ ни мнѣ, ни I. А. Кипшидзе не удалось въ какомъ-либо говорѣ чанскаго языка констатировать существованіе полной или во всѣхъ отношеніяхъ тубал-кайнской формы; однако нѣсколько лѣтъ тому назадъ арменисту Ачаряну удалось ее наблюдать, а ея разновидность ʃ^{d} *jum* (< *sum*) въ сороковыхъ годахъ была наблюдаена Георгомъ Розеномъ; что касается сванскаго, то въ немъ коренная сванская форма исчезла такъ же, какъ въ мингрельскомъ, въ обоихъ однако вліянію поддались согласные, картскимъ s вытѣсненъ какъ тубал-кайнскій «ш» въ мингрельскомъ $\text{ʃ}^{\text{d}}\text{o}$ *sum-i*, такъ сванскій п или q въ сванскомъ ʃ^{d} *sem*, но огласовка не поддавалась тому же вліянію. Такъ какъ въ огласовкѣ мы имѣемъ морфологическій элементъ, а въ согласныхъ — семасіологическій, то такіе случаи вліянія намъ даютъ основаніе выставить слѣдующее положеніе: допускается заимствованіе матеріальной части словъ — корней (въ яфетическихъ языкахъ согласныхъ), но не формъ. Слѣдовательно, такіе случаи вліянія можно бы подвести подъ обычную форму о заимствованіяхъ, по которой языками другъ у друга заимствуются только слова, а не грамматика.

Но, какъ бы ни формулировать это явленіе для изложенія въ введеніи въ языковѣдѣніе, на лицо въ яфетическихъ языкахъ не одинъ этотъ видъ заимствованія; есть рядъ случаевъ заимствованія однимъ языкомъ изъ другого морфологическихъ элементовъ и, наоборотъ, удержанія своихъ коренныхъ согласныхъ; есть, конечно, большое количество и полного вида заимствованія, цѣлыхъ словъ, слѣдовательно, и матеріальной семасіологической части слова, коренныхъ согласныхъ, и формальной съ ея морфологическими гласными и опредѣленными согласными, когда изъ чужого языка усваиваются, по принятой въ яфетидологій терминологіи, какъ звуки идееносители, такъ

1) Ср. абх. q̄ въ составѣ q̄-ʃa или q̄-ʃə *три*, тушин. qo (< *qaw) *три*.

звукъ предъносители. И общее положеніе науки объ языкѣ о заимствованіяхъ требуетъ во всякомъ случаѣ значительной поправки, если не полной переработки. Само собою понятно, что пересмотръ ученія о видахъ заимствованія долженъ идти параллельно съ пересмотромъ вопроса о взаимоотношеніяхъ языковъ на конкретныхъ виолнѣ обследованныхъ примѣрахъ. Для насъ, яфетидологовъ, становится очевиднымъ, что одно дѣленіе языковъ на родственные и не родственные есть примитивный способъ лингвистическаго мышленія, отнюдь не соответствующій тѣмъ сложнымъ условіямъ отношенія языковъ, которыя раскрываютъ намъ наши матеріалы какъ мертвые, такъ особенно обильно живые. И такъ какъ наше ученіе обосновано прежде всего на живыхъ языкахъ, вопросъ о типахъ мѣшанаго языка, вопросъ не только о фактѣ существованія *Mischsprache*, но о фактѣ существованія градаціи или степеней смѣшенія, составляетъ въ данный моментъ очередную и главную теоретическую проблему. И изученіе сванскаго языка въ ея рѣшеніе способно сдѣлать крупный вкладъ.

Само собою понятно, что эти чрезвычайно сложныя условія взаимоотношеній яфетическихъ языковъ весьма затрудняютъ работу, но важно то, что они видны, эти сложныя условія: открываются затрудненія и вмѣстѣ съ ними пути ихъ разрѣшенія. На слѣдующемъ примѣрѣ, одномъ изъ многочисленныхъ, легко увидѣть, какія разнообразныя тренія происходили между яфетическими языками, и какъ этотъ сложный процессъ всетаки доступенъ изслѣдованію. Рѣчь опять о числительномъ, въ данномъ случаѣ «семь». Существуетъ законъ яфетической сравнительной фонетики, по которому звуку картскаго языка «ш» соответствуетъ въ тубал-каинскихъ *sq* (sk), рѣже *sq* (mk), а въ сванскомъ, согласно одному изъ его основныхъ слоевъ, *sg* (zg или съ полною мутуаціею: sk). По-грузински *семь* ზღო *shwd-i* (<*shuid-i*, resp. **shwyd-i* или *shwid-i*), слѣдовательно, въ тубал-каинскихъ мы ожидали бы въ отношеніи перваго коренного *sq*, resp. *sq*, что имѣемъ въ м. ზღო *shqwið-i*, ч. ზღო *shqwið*, равно съ потерею *w* предъ *i* — ზღო *shqið* и съ потерею согласнаго въ паузѣ — ზღო *shqi*; въ сванскомъ всилу упомянутаго закона мы ожидали бы въ отношеніи перваго коренного группы *sg*, и такъ какъ сванскій огласовку переноситъ всегда на первый коренной или его раздвоеніе, то сванское слово въ значеніи *семи* должно бы звучать приблизительно **sg*¹/₆*bd* или **zg*¹/₆*bd*, между тѣмъ по-свански *семь*—*i-shqwið*, въ лентехскомъ говорѣ *i-mkwid*, т. е. очевидно позднее заимствованіе изъ тубал-каинскаго, или чанскаго или вѣроятнѣе, мингрельскаго, съ префиксомъ *i*. Основнаго сванскаго слова, которое должно было проявлять въ началѣ *sg* или *zg*, не сохранило ни одно сванское нарѣчіе. Есть лишь слабый слѣдъ такого сванскаго основнаго эквивалента

въ одномъ образованіи съ префиксомъ *ma-*¹⁾: $\text{მამა } ma-gzi$ (вм. **ma-zgi*), означающемъ *седьмиза, недѣля*, но въ немъ, помимо перестановки *zg* въ *gz*, утрачены въ паузѣ ожидавшіеся согласные (**ma-zg*^{1/2} *bd*). Однако, съ какиѣхъ поръ сваны утратили собственное слово въ значеніи *семи*? Любопытно то, что родное основное слово, утраченное сванами, сохранилось въ древне-грузинскомъ. Но прежде чѣмъ назвать его, надо указать на второй общій, именно историко-литературный вопросъ, который выдвигается изученіемъ сванскаго языка.

IV.

Дѣло касается перевода св. Писанія на грузинскій языкъ. Хотя на Западѣ насъ опережаютъ въ составленіи справочныхъ книгъ и учебниковъ²⁾, однако въ затрагиваемомъ мною вопросѣ западно-европейскіе учебники до послѣдняго момента пробавлялись повтореніемъ задовъ, которымъ была давность не менѣе четверти вѣка. Года два тому назадъ Baumstark въ *Die christlichen Literaturen* пустилъ въ обращеніе точку зрѣнія русскихъ ориенталистовъ. Первый переводъ св. Писанія на грузинскій языкъ сдѣланъ не съ греческаго, какъ обыкновенно утверждалось, на основаніи позднихъ традицій, а съ армянскаго. Переживанія этого первоначальнаго перевода налицо въ сохранившихся грузинскихъ текстахъ св. Писанія, представляющихъ въ такихъ случаяхъ, когда они не заново переведены, позднѣйшее исправленіе, иногда не-однократное по греческимъ подлинникамъ. Въ числѣ показателей армянскаго происхожденія переживаній первоначальнаго грузинскаго перевода первое мѣсто занимаютъ арменизмы въ видѣ армянскихъ словъ и оборотовъ. Рядомъ съ арменизмами въ первой же стадіи изученія сванскаго стали намѣчаться сванизмы, сванскія слова, существительныя и глаголы. Такъ какъ по принятіи христіанства грузинская письменность была единственная, общая у всѣхъ яфетическихъ народовъ, такъ какъ и мингрельцы, и сваны, не имѣя письменности на родномъ языкѣ, пользовались грузинскою письменностью какъ родною, принимали въ ея развитіи живѣйшее участіе, то лексическій вкладъ свановъ, какъ и мингрельцевъ, въ древне-литературный грузинскій языкъ, прежде всего, конечно, въ языкъ св. Писанія казался вполнѣ естественнымъ. Болѣе того, сваны и мингрельцы или иверы,

1) гебр. *pa-*, такъ какъ въ айшскомъ то же слово звучитъ $\text{פאגזי } pa-gzi$.

2) При ненормальной постановкѣ преподаванія восточныхъ, даже мѣстныхъ, такъ сказать, русскіихъ восточныхъ языковъ въ нашей средней школѣ, въ русскихъ научныхъ книгахъ по востокѣдѣнію и у насъ самихъ, въ Россіи, мало потребности, а на Западѣ и того меньше, а на западноевропейскіе учебники, не говоря объ интересѣ къ нимъ въ Европѣ, мы сами создаемъ нисколько спросъ и въ Россіи апагіею къ насущнымъ интересамъ отечественнаго научнаго востокѣдѣнія.

находившіеся подъ ближайшимъ вліаніемъ Византіи, первые вносили въ свою церковную литературу, въ основѣ литературу восточныхъ собратьевъ, картовъ, греческія нормы, а въ картскій или грузинскій языкъ этой литературы новыя гречизмы, первоначальному переводу св. Писанія несвойственные. Естественно было заключить, что сванизмы, какъ и иверизмы или мингрелизмы въ грузинскомъ текстѣ св. Писанія относятся къ эпохѣ исправленія его по греческимъ подлинникамъ, т. е. приблизительно къ VII—VIII-му вѣку по Р. Хр. Но въ дальнѣйшей стадіи изученія сванскаго стало обнаруживаться, что вопросъ объ эпохѣ сванизмовъ грузинскаго текста св. Писанія не такъ просто разрѣшается. Во-первыхъ, ихъ оказалось больше, чѣмъ можно было ожидать; сванизмы оказались въ средѣ такихъ церковныхъ терминновъ, куда позднѣйшее сванское вліаніе VII—VIII вѣковъ или болѣе близкой къ намъ эпохи никакъ не могло проникнуть: съ VII—VIII вѣковъ нельзя было вытѣснить чисто картскія слова и выраженія, наоборотъ, съ этой поры все картское стало господствовать. Во-вторыхъ, несмотря на явно сванскій характеръ или явно сванское происхожденіе подобныхъ элементовъ, нѣкоторые изъ нихъ вовсе не оказывались въ сванскомъ языкѣ въ предѣлахъ Сваніи или, если оказывались, въ діалектическихъ формахъ. Такъ, напр., мы видѣли, что слово *семь* сванскій языкъ въ предѣлахъ Сваніи не сохранилъ, помимо слѣда его въ терминѣ *ma-gzi* (< **ma-zgi* < *ma-zg*°/i) *bed-miца*, *ned-miа*, но въ древне-грузинскомъ языкѣ въ значеніи *седьмицы*¹⁾ находимъ не к. შვიდეული *shwd-eul-i*, отъ к. შვიდი *shwd-i* *семь*, а მსგებსი *m-sgebs-i* (такъ называется «недѣля» между прочимъ въ терминѣ «страстная недѣля»), въ основѣ котораго лежитъ, очевидно, заимствованное изъ сванскаго **sgebs*²⁾. Не говоря объ исчезновеніи въ паузѣ послѣднихъ согласныхъ его эквивалента *-zgi*, что въ составѣ сванскаго слова въ предѣлахъ Сваніи *ma-gzi*, наше *sgebs* огласовкою *e* вм. *i* показываетъ, что дѣло имѣемъ съ особымъ діалектомъ сванскаго языка.

Въ другомъ случаѣ сванскій сохранилъ болѣе архаичную для сванскаго языка форму слова, а въ древне-грузинскомъ опять діалектическая разновидность, въ предѣлахъ нынѣшней Сваніи невозможная, притомъ съ позднѣйшею замѣною сибиланта *s* плавнымъ *g*: послѣднее звуковое явленіе само по себѣ закономерно и въ фонетикѣ нынѣшняго сванскаго языка. Рѣчь идетъ о древне-грузинскомъ словѣ *ergas-i*, обычномъ въ текстѣ св. Писанія, такъ,

1) Равно — богослужебнаго термина «отданіе».

2) Касательно *φ* вм. *b* и исходнаго *s* вм. *d* въ данный моментъ довольствуюсь лишь констатированіемъ факта. Тушинское *gebs* *недѣля*, очевидно, пройдя черезъ діалектическую среду съ перебоемъ *s* въ *h* (**hgebs*), представляетъ нашъ же терминъ *sgebs*, а вовсе не перс. شفت или греч. ἰβρονιάς (*Schiefner, Versuch über die Tusch-Sprache, СПб. 1856, стр. 123, s. v.*).

напр., только в одномъ Четвероевангелии встрѣчается не два раза, какъ указано у Ч², а пять разъ¹⁾). Слово значить *пятидесятъ*, а производное отъ него *ergas-eul-i* *пятидесятый*, въ частности *Пятидесятница*, *Духовъ день*, т. е. опять таки одинъ изъ существенныхъ терминовъ христіанской церкви. Слово, несомнѣнно, сложное: вторая часть *as-i*—чисто-картское слово, означающее *сто*, а *erg-* ничего не значить по-грузински, по-картски, и менѣе всего означаетъ *половину*. Но въ сванскомъ въ предѣлахъ нынѣшней Сваніи существуетъ коренное св. слово *isg-*, появляющееся въ сложенияхъ въ значеніи *половины*, напр., *საგლეჯი isg-leḥ* *полмочъ*²⁾: сохраненное древне-грузинское *erg* представляеть, очевидно, сванскую же діалектическую разновидность **esg* съ позднѣйшею замѣною *s* плавнымъ *g*, и, слѣдовательно, *erg-as-i* значить буквально *пол-сотни*.

Къ этому надо прибавить, что независимо отъ текста св. Писанія въ ново-грузинскомъ вскрываются слова, заимствованныя черезъ сванскую лингвистическую среду, находившуюся не въ нынѣшней Сваніи, а гдѣ-то на югѣ, на рубежѣ между чанами, армянами и грузинами (картами). Уже раскрыта исторія одного подобнаго слова изъ растительнаго міра³⁾, именно *ჯობი* *dint-ar-i* *краница*. Раньше мною въ замѣткѣ «Исторія термина абхазъ» намѣчена какъ первоначальная, во всякомъ случаѣ болѣе древняя родина флетическаго слоя абхазовъ и одного, именно коренного слоя свановъ въ предѣлахъ расселенія мосоховъ или месховъ, страны конхъ назывались на грузинскомъ не только *მესხეთი* *Mesq-eḥ-i*, но *სო-მესხი* *So-meḥ-i*⁴⁾. Сейчасъ будетъ истолкованъ одинъ географическій терминъ нынѣшней Сваніи, и вскроется, что занимающій насъ народъ не всегда назывался сванами или только сванами и въ нынѣшней Сваніи, что съ юга они донесли и до извѣстной поры у себя со-

1) Мк 6, 40, Лк 7, 41, 9, 14 (საგლეჯი), Ин 8, 57, 21, 11. Постепенно *საგლეჯი* *ergas-i* вытѣснилось родимымъ *საგლეჯი* *otseḥdaad-i*, такъ, напр., II Ц 15, 1, IV Ц 2, 7, 16, 17 въ Моск. изданіи уже чисто грузинское слово, а въ Аюнской рп. 979 года—со сванскимъ *საგლეჯი* *erg-*.

2) Да и самостоятельно въ значеніи *середины*, напр. *საგლეჯი* *isg-de* *до половины*: *საგლეჯი* *isg-de* *qa* *er'adad* *კიდა* *დოსილი* *საგლეჯი* *(მორა)* (изъ сказки объ Автандилѣ).

3) Ялетическіе элементы въ языкахъ Арменіи, IV (Изв, 1912, стр. 833—834).

4) Изв, 1912, стр. 704. Не мѣшаетъ здѣсь оговориться, что вопросъ иной, не привнесъ ли сванами съ собою и второй основной слой ихъ языка, исконно тубал-каинскій, съ той же древней родиной? Положеніе привнесенной мѣшаности сванскаго языка начинаетъ устанавливаться, притомъ еще въ предѣлахъ *Солехіи* (г. *სო-მესხი* *So-mḥ-eḥ-i*, resp. *სო-მესხი* *So-mḥ-i*). Это освѣщаетъ новымъ свѣтомъ самъ терминъ *So-meḥ-i* (**So-meḥ-i*), а въ связи съ этимъ одна слабая сторона даннаго мною анализа выступаетъ рѣзче (Н. Марр, Ист. терм. абхазъ, стр. 704—706). Въ началѣмъ *so-* и усматривалъ картскій префиксъ *sa-*, съ тубал-каинскою перегазовкою «*s*» въ «*o*»: морфологически это не встрѣчается никакого препятствія; можно бы замѣтить развѣ, что при образованіи съ этимъ префиксомъ имена мѣста обыкновенно получаютъ и соответственный суффиксъ *-e* (*საგლეჯი* *Sa-mḥ-e* *область Самиха*), или *-o* (*სა-ბერძენი* *Sa-berdn-eḥ-i* *Грузія*), или *-eḥ* (*სა-ბერძენი* *Sa-berdn-eḥ-i* *Греція*), потому болѣе есте-

но весьма существенно поправкою явится то, что или эту сомехскую рѣчь, даже V-го вѣка придется признать цѣликомъ нарѣчіемъ сванскаго языка или, если она къ тому времени была грузинизована, въ ней во всякомъ случаѣ придется признать существованіе большого количества переживаній того нарѣчія сванскаго языка, которое нѣкогда было кореннымъ въ Сомехіи. Если бы данныя оказались за первое рѣшеніе, т. е. если бы сомехскую рѣчь V-го вѣка пришлось признать цѣликомъ сванскимъ нарѣчіемъ, и, слѣдовательно, дошедшій до насъ древне-грузинскій текстъ св. Писанія оказался бы восходящимъ къ армянской версіи черезъ посредствующій сванскій, именно сомехскій переводъ, то тогда невольно вспомнили бы мы извѣстное показаніе Грузинскихъ лѣтописей, пока отстраняемое какъ ни съ чѣмъ несообразное утверженіе. Именно въ одномъ спискѣ Грузинскихъ лѣтописей утверждается, что первоначально грузины говорили по-сомехски, а потомъ они заговорили по-грузински. При намѣченномъ ходѣ научныхъ приобрѣтеній это значило бы, что первоначально у грузинъ церковно-литературнымъ языкомъ служилъ сомехскій, т. е. сванскій языкъ Сомехіи, а съ извѣстнаго момента они свой родной картскій языкъ обратили въ литературный языкъ церкви.

Какъ бы этотъ чрезвычайно важный культурно-историческій вопросъ ни былъ разрѣшенъ, изученіе сванскаго языка открываетъ новую перспективу касательно армянскихъ словъ, прошедшихъ въ древне-грузинскій литературный языкъ. Еще раньше стало выясняться, что грузинами-переводчиками св. Писанія на родной языкъ нѣкоторыя армянскія слова воспринимались и удерживались въ грузинскомъ текстѣ не потому только, что ихъ, эти слова, они находили въ армянскомъ текстѣ Библии, а потому, что тѣ же слова существовали раньше, до перевода св. Писанія, въ томъ сѣднемъ съ Арменією нарѣчій собственнаго языка, на которое «грузинь-переводчики переводили. И когда эти заимствованныя, казалось бы, черезъ св. Писаніе армянскія слова — не индоевропейскаго происхожденія, а яфетическаго, то въ чисто лингвистическомъ отношеніи еще вопросъ, отъ армянъ ли заимствованы они или сами армяне заимствовали ихъ отъ яфетидовъ. Въ настоящее же время, когда намѣчается сванское или насыщенное сванизмами средостѣіе Сомехіи между культурнымъ языкомъ древней Арменіи, найскимъ, и между грузинскимъ древне-литературнымъ, то еще болѣе осложняется вопросъ о такъ называемыхъ лексическихъ арменизмахъ въ грузинскомъ текстѣ Библии: быть можетъ, они грузинскимъ были усвоены отъ сванскаго нарѣчія Сомехіи. Приведу одинъ примѣръ. Въ сравнительной фонетикѣ яфетическихъ языковъ при картскомъ небо-зубномъ и тубал-каинскомъ небо-зубномъ въ сванскомъ законѣбрежь небо-зубной съ предшествіемъ сибиланта s

или ш, такъ при к. Э, т.-к. Э, св. шЭ (шт) || sЭ (st), слѣдовательно, при картскомъ *ოძა შთა-უ* (вм. **Шт-и*) *волосъ* съ законѣрною перегласовкою въ м. имѣемъ *შთ-ა* (*MZ შთ-ა*)¹⁾, а въ сванскомъ мы ожидали бы или **sšew* (**sšew*) или **stem* (*stew*); с могъ замѣниться и родственнѣмъ шипящимъ ш, но ничего подобнаго въ предѣлахъ нынѣшней Сваніи мы не находимъ ни въ значеніи *волоса*, ни въ значеніи *шерсти*. А въ языкѣ Арменіи, именно хайскомъ, дѣйствительно существуетъ эта именно сванская разновидность слова въ значеніи *шерсти*: у армянъ оно звучитъ *ստե* *stew*. Армянами же заимствована и картская форма слова, но въ первоначальномъ видѣ, т. е. безъ перемѣненія гласнаго, и съ ассбилованнымъ глухимъ *і* вм. средняго Э—*іam*, что по-хайски значить *волосы, локоны*. Эта картская разновидность основы, и именно въ значеніи *волосъ, шерсти* сохранялась еще въ древне-грузинскомъ, гдѣ отъ нея, очевидно, и произведено съ префиксомъ *sa-* и суффиксомъ *-is*: *sa-īm-is-i* *руно, шерсть* (*Суд.* 6,37, *Пс.* 71,5, Шавтели, 21,3,2, *Руст.*—*Чахр.* XII, 1,1²⁾). Но въ древне-грузинскомъ существуетъ и *სტევი* *stev-i* *шерсть*.

Такое грузинское слово до сихъ поръ знали мы лишь по словарю Сухана Орбелиани, откуда беретъ цѣлкомъ безъ указанія иного источника Ч². Теперь же его находимъ въ грузинскомъ текстѣ Евангелія. У Марка 1,6 всѣ обследованныя пока рукописи грузинскаго Евангелія, какъ и печатныя изданія читаютъ *და ეშას ოვანეს სამოსლად თმისაგან აქლემისა da emosa iovanes samoslad ṡmisa-gan aqlemisa*³⁾ «и одѣтъ былъ Іоаннъ въ

1) И. А. Джавахонъ обратилъ мое вниманіе на слово *ოძა* *ṡm-i* въ грузинскомъ подлинникѣ *Географіи* Вахушта (стр. 434,4); здѣсь это особаго вида трава (по Эрнстону, *Слов.*, стр. 21, «дикій осотъ, оситникъ»), которую осы («осетины») вкладывали въ обувы, чтобы не скользили «по льду, угесамъ и травѣ». Быть можетъ, въ названіи травы имѣемъ слово, въ корнѣ означающее «волосъ, шерсть» (касательно аналогичной семасіологии см. Б. Богаевскій, *Колосья волосъ*, Изв. 1912, стр. 5 сл.); въ такомъ случаѣ терминъ *ოძა* *ṡm-i*, конечно, представлялъ бы заимствованное грузинскимъ тубал-кайнское слово со значеніемъ *волосъ*, двойникъ слова т.-к. *ოძა* *ṡm-а*, но безъ женскаго окончанія.

2) Форму съ префиксомъ *sa-* и суффиксомъ *-is* см. *სამისა* *sa-īm-is-i* *ялудъ*. Огласовка съ *sa* слова *īam* могла затѣниться подъ влияніемъ ш въ *o>* и, но едва ли въ артскомъ, потому видъ *სტევისა* *sa-īm-is-i*, приводимый у Ч², своимъ и проявляетъ диалектическую особенность, если это не плодъ недоразумѣнія. Съ другой стороны, при законѣрномъ соответствіи тубал-кайнскаго і картскому і не трудно признать эквивалентъ нашего же слова въ мингрельскомъ *ჰემ-ი* *hem-i* (> *ჰემ-ი* *hem-i*) *волосъ* (*на сранихъ частяхъ шила*), только огласовка е въ данномъ случаѣ диалектическая (сванскаго пошиба). Не могу рѣшить, можно ли съ этимъ мингрельскимъ словомъ связать св. *ჰემ* *hem*, вообще означающее *смя*, а въ лентескомъ говорѣ — *смяко* то множественное растеніе: его ѣдятъ сырнѣю (ср. предид. прим.)?

3) Соответствующій стихъ *Мк* (3,4) читается въ изд. В. Н. Бенешевича: *და ეშას ოვანეს სამოსლად თმისაგან აქლემისა* *da emosa iovanes samoslad ṡmisa ṡmisa-gan aqlemisa*, таково же по существу чтеніе въ Адришской рл.: *და ეშას ოვანეს სამოსლად თმისაგან აქლემისა* *da emosa iovanes samoslad ṡmisa-gan aqlemisa*.

означаетъ, какъ и послѣдняя форма мнимо-множественнаго числа, *хороводъ, пляску, тѣсно, кругъ*. Слово *h. ყაყრაგ*, чаще появляющееся въ формѣ мн. ч. *раг-q*, представляетъ видъ, возникшій на почвѣ недоразумѣня, именно принятія третьяго кореннаго согласнаго *q* за показатель множественности¹⁾, ибо это—трехсогласный яфетическй корень *prq* въ тубал-каинской неполногласной формѣ *qamh*: *ყაყრაგ* (*< *ყარq*), что въ свою очередь представляетъ совершенно закономѣрный эквивалентъ *картскаго* *ფეგრ-ი* (*< *ფეგრ-ი*) *нога*, отсюда *ფეგრ-ული* *хороводъ, пляска*. Изъ тубал-каинскихъ языковъ мингрельскй сохранилъ тотъ же корень, но не въ формѣ *qamh*, а *qomh* (*h. qamh*): это—*ბორკ-ი* *borq-i* *нога*; въ *картскомъ* его эквивалентъ съ женскимъ окончанiемъ *-al*, именно *ბარკ-ალი* *barq-al-i* означаетъ *бедро*. Для вскрываемой семасiологии первой пары эквивалентныхъ основъ интересно вспомнить, что св. *ჴიშაჴი* *tišqan* *хороводъ, хороводная пляска, тѣсна* представляетъ Р. падежъ отъ св. *ჴიშ* *tišq* *нога*²⁾, какъ и у грузинъ Р. отъ *h. ფეგრ-ი* *ფეგრ-ი* *нога*, напр. у хевсуровъ въ выраженiи: *ვსოჴობ* *ფეგრ-ის* *všqvaš* *ფეგრ-ისა* *სოემგ* (*тѣсно*) *хороводной пляски*³⁾. Что касается «шиш», оно требуетъ обсужденiя матеріаловъ, выходящихъ далеко за предѣлы яфетическаго міра, и я сейчасъ ограничусь лишь сообщенiемъ, что оно одного корня съ тубал-каинскимъ *ჴიშ*-а *тѣснѣз, луна*, и въ корнѣ само значить и *тѣснѣз, «луна»*, и *трепетанiе, движенiе*. Грузинскй не сохранилъ *картскаго* закономѣрнаго эквивалента ни первичнаго **sius*, ни вторичнаго, съ подъемомъ *s* въ *š*, — *ჴიშ*. Но послѣдняя, позднѣйшая разновидность сохраниена опять таки у армянъ историкомъ Хоренскимъ и другими писателями. Особенно важно свидѣтельство Хоренскаго⁴⁾ въ виду предмета, въ связи съ которымъ онъ случайно упоминаетъ о нашемъ «цуцѣ». Разсказавъ преданiе о двойникѣ Нои—Кисисутрѣ, приплывшемъ-моль послѣ потопа въ Армению, Хоренскй заключаетъ: «Однако, значительно чаще это повѣствуютъ по преданiю (*սիւն* *խրատակաբ*) старцы изъ араמידовъ въ напѣвахъ (музыкальнаго инструмента) «бамбурѣ» и въ пѣсняхъ «цуц»овъ и «парюв»⁵⁾, т. е., какъ теперь выясняется, въ пѣсняхъ *шиш-раг*'а или *шѣш-раг*'а, такъ какъ въ выраженiи Хоренскаго *ჴიშ-q* *ew* *раг* имѣемъ мн. число отдѣльно взятыхъ двухъ словъ *ჴიშ* и *раг*, *gesp. raq*, входящихъ въ составъ

1) См. объ этомъ явленiи Н. Марръ, *Яфет. эл. въ языкахъ Арменiи*, III (Изд. 1912), стр. 598.

2) Н. Марръ, *Тубал-каинскй складъ въ сванскомъ*, I (Изд. 1912, стр. 1094—1095).

3) Такое значенiе Р. падежа *ფეგრ-ის* *ფეგრ-ისა* въ грузинскомъ извѣстно и лексикографу Орбелиани, который его толкуетъ словами *ბეგრის* *ბეგრისა* *пляска длинною цѣпью*.

4) I, 6, Вен. изд., стр. 17.

5) *Խրատակաբ եւ Կուրուք*.

сложнаго слова шиш-раг, съ тою только разницею, что слово, составляющее первую часть сложнаго термина, армянами, какъ теперь ясно, было усвоено въ картской формѣ *šiš* (< *sus), а не въ тубал-каинской шиш, а второе — раг — воспринято именно въ тубал-каинской формѣ *rag > raq, утратившей у нихъ послѣдній коренной, принятый за суф-фиксъ мн. числа.

VI.

Съ изученіемъ сванскаго языка мы постепенно входимъ въ культурно-историческій вопросъ Арменіи за тысячу и болѣе лѣтъ до возникновенія христіанской литературы у яфетическихъ народовъ, да и у армянъ, въ вопросъ объ языкѣ клинообразныхъ ванскихъ надписей. То, что достигнуто по этой части, мнѣ хотѣлось бы изложить особо въ болѣе или менѣе цѣльномъ видѣ, и сейчасъ я коснусь лишь нѣкоторыхъ, мнѣ кажется, не лишенныхъ интереса мелочей. Прежде всего, и это впрочемъ не мелочь, выясняется, что языкъ ванскихъ клинообразныхъ надписей представляетъ не чистый яфетическій языкъ, а мѣшанный, какъ вышншій сванскій, конечно, безъ позднѣйшихъ наслоеній, состоящій изъ слоя кореннаго «сванскаго» или точнѣе мосохскаго и слоя тубал-каинскаго. Изъ тубал-каинскаго усвоены надежныя окончанія Род. -ше, Дат. = Напр. -ша; такъ какъ пассивная конструкція аориста яфетическихъ глаголовъ кунеологамъ не была извѣстна, какъ и то, что въ связи съ нею логическій субъектъ при аористѣ ставится въ косвенномъ падежѣ или въ Род. или въ Дат., то Род. падежъ ванскихъ текстовъ кунеологи принимали за Имен.

Согласный элементъ падежныхъ окончаній въ яфетическихъ языкахъ, какъ извѣстно, часто опускается, и гласные характеры служатъ показателями падежей, такъ, напр., рядомъ съ -ше Род. падежъ характеризуется гласнымъ е.

Нѣкоторыя падежныя окончанія удержаны изъ кореннаго сванскаго; съ сванскимъ раздѣляетъ ванскій языкъ и показатель множественности п (> r), свидѣтельствующій о влияніи на нихъ какого-то языка картской группы.

Конечно, должно быть учтено разстояніе во времени, отдѣляющее ванскій языкъ клинообразныхъ надписей отъ сванскаго, изучаемаго лишь съ XIX-го вѣка по Р. Хр.

Понятно, и въ коренныхъ сванскихъ элементахъ ванскій языкъ имѣеть свои фонетическія особенности, отличающія ихъ отъ доступнаго намъ въ предѣлахъ Сваніи сванскаго, напр., въ ванскомъ любовь къ исчезающимъ спирнтамъ вм. сибилантовъ, такъ ванское *hug-i* (съ потерей спиранта

ur-i) соответствует св. jæg (< *jur) и, как последнее, означает *милость*; въ качествѣ заимствованія это же слово имѣемъ и въ грузинскомъ въ обѣихъ диалектическихъ разновидностяхъ въ основѣ глаголовъ, означающихъ *заботиться*, *пещись*, собственно въ корнѣ быть *милостивымъ*, *жалеть*: рѣчь идетъ о грузинскихъ глаголахъ а) ჯებვს ur-va, въ основѣ котораго находится ванская разновидность hur, съ потерей сплранта ur, и б) спонимѣ ჯებვს ზგ-ჟ-va (< zug-ju-va), въ основѣ котораго zug, т. е. съ картскаго замѣною z вм. j, прототипъ сванскаго jæg (< *jur).

«Šard-ur-i», иногда транскрибируемое и «Šard-u-hur-i»¹⁾ представляетъ имя по аналогіи съ русскимъ *Богданъ*, греч. Θεόδωρος, арм. Շարժատուր Astowatatur, но ванское имя, какъ грузинское ღვთის-წყალობა ḡvθis-tkaloba (сокращенно: წყალობა ikaloba), буквально значитъ «милость Бога», именно милость бога «Šarda».

«Šard»- представляютъ усѣченную основу возставаиваемаго подлинно картскаго названія Бога — tarm-aθ'a²⁾, какъ qald является усѣченною основою его сванскаго эквивалента.

Въ другихъ случаяхъ hur-i > ur-i приходится толковать такъ же, все равно, являются ли они въ такой простой формѣ или они снабжены префиксомъ имени II-й породы e-: e-hur-i > e-ur-i, напр. qaldie ehurie значитъ «*милостью Бога*», такъ какъ Род. надеждъ играетъ, какъ въ другихъ яфетическихъ языкахъ, роль нашего Тв. Само слово qald-i въ значеніи *Бога* представляетъ сокращеніе яфетическаго божества ḡerṭ-eθ, сокращеніе, имѣющее параллель въ сванскомъ сокращеніи ḡerθ- и ḡarθ-. Если даже допустимъ, что принятое фонетическое чтеніе ванскихъ клинообразныхъ надписей идеально точно, что транскрибируемую кунеологами буквами «kh» клинопись надо произносить q̄, а не ḡ, то и тогда разница между ванскимъ qald и сванскою основою ḡarθ-, герс. ḡerθ-, означающими одинаково *Богъ*, свидѣтельствуетъ лишь о диалектическомъ его расхожденіи.

Впрочемъ въ самихъ ванскихъ текстахъ мы находимъ сосуществованіе различныхъ диалектическихъ разновидностей одного и того же слова. Мнѣ уже приходилось указывать, что имя извѣстнаго царя Argiš-θi представляетъ сложное слово со значеніемъ «глава дома». *Домъ*—argi, чтó сохранилось по сей день въ сванскомъ; въ нѣкоторыхъ сванскихъ нарѣчіяхъ то же слово звучитъ aḡi, чтó однако восходитъ не къ argi, а путемъ утраченнаго перебой-

1) Saucе, JRAS, vol. IV, p. IV, стр. 461, ср. 455—456.

2) Н. Марръ, Еще о словѣ «челюби», ЗВО, XX, стр. 110 = отд. отт., стр. 12.

наго сплранта h (*ahgi) къ *asgi¹⁾; *asgi и argi представляютъ двѣ диалектнческія формы одного и того же слова. Слово *asgi сохранилось въ хайскомъ и армянскомъ *աղբ* azg, производимомъ и asg²⁾: здѣсь слово означаетъ *фамилію, родъ, собств. домъ*. Въ словѣ имѣемъ съ префиксомъ имени III-й породы, т. е. a-, остатокъ корня sgn > zgn, что по-свански въ формѣ li-zguse значить *населять*, отсюда *me-zgi поселенецъ*. Ввиду диалектческаго исчезновенія g изъ группы sg, какъ то видимъ мы, напр., въ лентехскомъ говорѣ сванскаго языка, asgi *домъ* на сванской диалектической почвѣ могъ звучать и asi, и вотъ это именно слово въ значеніи *дома* имѣемъ въ клинообразныхъ надписяхъ, напр.,

ini asi quse zaduni
«этотъ домъ большой построенъ»

Звукъ г въ сванскомъ между гласными бываетъ представленъ звонкимъ сибилантомъ j; подъемомъ этого j, именно ċ въ тубал-кайнскихъ равнымъ образомъ замѣщается часто, какъ это уже хорошо извѣстно, плавный г; къ нимъ примыкаетъ и въ этомъ отношеніи языкъ ванскихъ надписей въ словѣ sus-e *овца*: въ немъ безъ удвоенія перваго коренного или съ потерей сплранта (*shuse) имѣемъ эквивалентъ ванскій, съ замѣною г звукомъ s, картскаго *სეშვან* šeqvar-i (< *showar-i) и т.-кайнскихъ — м. *შეშვა* šequr-i > ċ. *ვეშვა* veshur-i. Всѣ эти слова равнымъ образомъ означаютъ *овцу*³⁾. Въ отношеніи огласовки ванская разновидность тождественна съ тубал-кайнскими, но ни одна изъ послѣднихъ, ни мингрельская, ни чанская своею огласовкою не представляетъ въ отношеніи картскаго šeqvar-i точно закономѣрнаго эквивалента: таковой долженъ былъ звучать *šeqvar > *šeqvar. Въ обоихъ языкахъ Арменіи на лицо одна разновидность этого яфетическаго слова — *აღწარ* oğar; она внесена въ общее пользованіе, вѣроятно, не хайскимъ языкомъ, а армянскимъ, и представляетъ не переживаніе ванскаго слова sus-e, а видоизмѣненіе утраченнаго тубал-кайнскаго *šeqvar-i, вполне точно закономѣрнаго эквивалента картскаго šeqvar-i, съ обычнымъ для языковъ Арменіи выдвиганіемъ гласнаго къ началу: *šeqw'ar > oğar⁴⁾.

1) Впрочемъ о чередованіи и сибиланта съ плавнымъ см. Н. Марръ, Яфет. элементы въ языкахъ Арменіи, I (Изв. 1911, 144, и т. п.).

2) Въ средневѣковыхъ памятникахъ это сказалось и въ орфографіи *աղբ* вм. *աղբ*.

3) Съ ванскимъ *use* (< *shuse) гораздо больше созвучія проявляетъ абх. *აწვ* *линемонъ*, но, судя по его мн. числу (*ავა-რაჟა*), основа *ვავ* сложнаго происхожденія; болѣе детальное обсужденіе формы *овцо*.

4) Производить *აღწარ* oğar изъ грузинскаго, герс. картскаго, значить не знать элементовъ сравнительной яфетической фонетики.

VII.

Движеніе свановъ, точнѣе того племени или того сложнаго племеннаго состава, который легъ въ основѣ ихъ, съ юга на сѣверъ начинаетъ обрисовываться довольно ярко. Въ этомъ движеніи они несли съ собою вмѣстѣ съ прочимъ культурнымъ наслѣдіемъ южныхъ яфетидовъ и географическіе термны, названія сель, съ которыми они сжились на первоначальной своей родинѣ, такъ на крайнемъ востокѣ Верхне-ингурской Сваніи извѣстное селеніе Ушкуль (Ushk-ul) въ сванской уменьшительной формѣ на -ul повторяетъ названіе селенія Ошкъ или Ушкъ у верхняго теченія Чороха, гдѣ въ позднѣйшія времена, именно въ X-мъ вѣкѣ и позднѣе, былъ прославленный грузинскій монастырь, развалины котораго, до сихъ поръ не описанныя, приводятъ въ восторгъ путешественниковъ. На крайнемъ сѣверѣ Верхне-ингурской Сваніи находится селеніе Халдэ, повторяющее этническое названіе халдовъ, одного изъ яфетическихъ племенъ, населявшихъ Арменію и игравшихъ первенствующую роль въ эпоху ванскихъ клинообразныхъ надписей, или племени хал-ти (у классическихъ писателей халбы) на сѣв.-зап. Арменіи, нѣкоторыми признаваемого отырыскомъ упомянутыхъ халдовъ. Въ чозурскомъ обществѣ Цхенис-цкальской Сваніи на правомъ берегу Цхенис-цкали или Лашхуира расположилось селеніе Twelq, чтѣ съ обычнымъ для сванскаго раздвоеніемъ «о» въ we и перебоемъ k въ t, восходитъ къ прототипу *kōlr, въ чемъ не трудно узнать названіе нѣсколькихъ армянскихъ поселеній, наиболѣе южное изъ коихъ на правомъ берегу Аракса общезвѣстно своимъ соляными конями. Вопросъ будущаго, какія изъ этихъ названій какимъ изъ двухъ основныхъ этническихъ слоевъ сванскаго народа могли быть принесены.

Болѣе существенный интересъ представляетъ терминъ Lāshq̄. Такъ сей-часъ называется верхняя часть Цхенис-цкальской Сваніи. Отъ него происходитъ, какъ уже было сказано, Lāshq̄wīr, названіе рѣки, которая протекаетъ черезъ Lāshq̄, но это — производное слово съ грузинскимъ суффиксомъ -иг, допустившимъ обычное сванское раздвоеніе и въ wī. Производнымъ является при помощи префикса шə- и шə-lāshq̄, чтѣ значитъ *житель Лашха, лашхеиг*. Любопытно, что лашхцы, хотя и сваны по языку, себя не считаютъ сванами: сванами они считаютъ нагорныхъ, за Латпарскимъ переваломъ, или при-ингурскихъ жителей Сваніи. Также относятся къ при-ингурскимъ жителямъ, какъ иноплеменникамъ, какъ сванамъ, лентехцы, сами по языку сваны, живущіе на берегахъ Цхенис-цкали, но ниже Лашха. И сами при-

лингвистические сваны ни лашхцевъ, ни лентехцевъ сванами не называютъ. Пока окончательно рѣшать преждевременно, имѣемъ ли одинаково въ терминахъ лашхъ, лентехъ и сванъ различныя названія сванскихъ племенъ, или терминъ «сванъ» присвоенъ этимъ племенамъ и усвоенъ ими въ силу какихъ либо позднѣйшихъ историческихъ ихъ судьбъ. Пока всѣ данныя за то, что народъ-носитель коренного состава сванскаго языка самъ первоначально не носилъ этого названія, ни въ цѣломъ, ни въ лицѣ какого либо племени¹⁾.

Само слово *Lāshq* представляетъ сванскую форму имени мѣста съ префиксомъ III-й породы *la-*: долгота *ā* въ сванскомъ является возмѣщеніемъ исчезающаго *w*, такъ что *Lāshq* есть форма имени мѣста отъ трехсложнаго

1) Вотъ нѣсколько предварительныхъ замѣчаній о возникновеніи самого термина, нынѣшняго названія свановъ:

а) Терминъ *swan* въ сванскомъ не имѣетъ одной общей формы и въ примѣненіи къ тѣмъ, кого они называютъ сванами: одни говорятъ *mu-shwan*, другіе — *mu-shwān*, третьи — *shwān*, что собственно воспринимается собирательно въ значеніи «народа свановъ» или «страны свановъ».

б) Сама основная форма *shwan* безусловно не сванская, такъ какъ *wa* въ данномъ случаѣ восходитъ къ *wo*, какъ указываетъ его двойникъ *so*, сохранившійся у армявъ, а *wo* въ сванскомъ раздвигается не въ группу *wa*, а въ группу *we*.

в) Народъ *shwa* или, что тоже, *so* и *swan* ближайше были связаны съ мингрельцами или эгерями, какъ видно изъ армянскаго сложнаго термина *eger-swān-q* *эгер-сваны*, пользующагося у древнѣйшаго историка, Фауста (III, 7), между тѣмъ, если упоминаніе ихъ въ такой тѣсной связи основано на ихъ ближайшемъ средствѣ, то рѣчь можетъ идти не о мингрельцахъ и нашихъ сванахъ, а о мингрельцахъ и *сонахъ-чанахъ*. Дѣйствительно, *чановъ* называли *swānami* и *shwānami*, а формы *swāno* и *shwāno* — ихъ диалектическіе двойники, восходящіе къ пра-формамъ **swan* и **shawn*, законоуформнымъ эквивалентамъ, по звукосоответствію *w = u* (русск. ѣ), пра-формъ **swan* и *shawn*, къ которымъ восходятъ *swan* и *shwan*.

д) Какъ извѣстно, терминъ *swan* съ озвонченіемъ *s* въ *z* былъ перенесенъ на сѣверъ на мингрельцевъ (Н. Марръ, Крещеніе армявъ, грузинъ, абхазовъ и алановъ св. Григоріемъ (Арабская версія), ЗВО, XVI (1905), стр. 165—166), и сейчасъ сваны мингрельца называютъ *zān*, во мн. ч. *zānag*. Въ популяризаціи этой разновидности термина сваны сыгнали, и это извѣстно (и м.) большую роль, такъ какъ образованная отъ нея сванская форма имени мѣста *La-z* (> **La-zn*) послужила основаніемъ для возникновенія этническаго термина греческаго *Λαζίκι*, отсюда и *Λαζίκι* и, конечно, турецкихъ: *laz*, *lazistan*, *Λαζισταν*.

е) Однако тотъ же терминъ *swan* извѣстенъ и въ разновидности съ законоуформнымъ подъемомъ *v* въ *i* — *ian*, какъ названіе тѣхъ же лазовъ или чановъ, и въ такомъ видѣ терминъ прошелъ сѣверо-восточнѣе въ самую Сванію: свановъ называли также *ian-ag* (одна изъ горъ въ Сваніи до сихъ поръ сохранила и на мѣстѣ названіе *ianag*); подъ такимъ же названіемъ появляется значительно болѣе удаленная на востокъ горная страна при Арагвскомъ ущельи у армянскаго историка Фомы Ариуни въ описаніи похода Буги въ IX-мъ вѣкѣ, между тѣмъ *ian-ag* есть правильное сванское мн. число отъ слова *ian*.

Въ эпоху Фауста *eger'ovъ* или мингрельцевъ тѣсно связывали съ сванами, такъ какъ подъ терминомъ *swan*, какъ и *so*, реально представляли себѣ чановъ или лазовъ, и Сванію, на которую давно было перенесено названіе родственнаго эетическаго племени, считали и по составу народа таковою.

Вопросъ о значеніи тубал-кайскаго племени *swan'ovъ* || *so*'*ovъ*, открывающаго исторію срединыхъ этническихъ терминовъ, насъ займетъ особо (Изъ лингвистической поправки въ Абхазію, Изв. 1913, стр. 325—334).

корня wšq : въ сванскомъ языкѣ звукъ w , геср. v въ началѣ часто замѣщается общеславянскій m ; впрочемъ этотъ начальный звукъ того же сложнаго корня въ терминѣ «абхазъ» появляется въ видѣ v , геср. b (равно $p > \varphi^1$). Слѣдовательно, географическій терминъ Lāšq , восходящій къ прототипу $*\text{la-wšq}$ ($*\text{la-bšq}$) || $*\text{la-mšq}$, значитъ «страна месховъ или мосоховъ»; что основа сама не огласована, это обычное морфологическое явленіе; безъ огласовки появляется картская (по s вм. m) разновидность того же корня $\text{mšq} > \text{mšq}$ при префиксѣ $sa-$, картскомъ эквивалентѣ сванскаго $la-$, и при суффиксѣ $-eš > -e$: sa-mšq-e и mšq-eš-a^2). Самъ корень mšq || mšq второбразный, такъ какъ основные звуки въ немъ — ms || mw , что же касается q , это, какъ извѣстно, — морфологическій элементъ, то обозначающій мн. число, то въ связи съ этимъ служащій для образованія названій народовъ³).

Движеніе свановъ и ближайше сродныхъ съ ними яфетическимъ слоемъ абхазовъ или различныхъ сванскихъ племенъ съ юга на сѣверъ раздѣлялось, какъ общее явленіе, всѣми яфетидами: такъ съ юга на сѣверъ двигались на западѣ отъ свановъ тубал-каины, а на востокѣ отъ свановъ карты . Были, вѣроятно, и другія поперечныя движенія. Изъ нихъ сейчасъ важно отмѣтить самое позднее движеніе яфетидовъ, именно движеніе картовъ съ востока на западъ приблизительно съ VII-го вѣка по Р. Хр. Двигаясь изъ новаго своего гнѣзда въ Карталинію (Карт-л-и) на западъ, они достигли Чернаго моря, гдѣ карты вѣзались концомъ клина въ тубал-каинскую сплошную массу. Этотъ конецъ картскаго или грузинскаго клина представляютъ теперь гурийцы и омусульманившіеся аджарцы. На сѣверѣ отъ клина изъ тубал-каиновъ оказались иверы, нынѣ мингрельцы,

1) Н. Марръ, Исторія термина «абхазъ» (Изд., 1912, стр. 697 сл.).

2) Н. Марръ, Исторія терм. «абхазъ», стр. 704. Сейчасъ возникаетъ мысль о поправкѣ въ объясненіи суф-фика, именно разложивъ терминъ на составныя части въ видѣ $\text{mšq}^1\text{-š}$ - la , въ концѣномъ š можно усмотрѣть яфетическій суф-фиксъ для образованія именъ мѣста, сохранившійся въ абхазскомъ; во этому мѣнаеть предшествующій гласный, у Птолемея къ тому же снабженный знакомъ долготы: для суф-фика $-\dot{y}t = \dot{t}$, геср. $\dot{e}š$, несмотря на иррегулярнѣе въ данномъ словѣ, наиболѣе естественнымъ представляется объясненіе, данное въ цитованномъ мѣстѣ. Можно еще прибавить, что этотъ суф-фиксъ въ сванскомъ проявляетъ долготъ $\dot{e} = \dot{e}š$, напр. qar-š *сирана духовъ*; кромѣ того, въ одномъ изъ языковъ Кавказа, сохранившемъ чрезвычайно интересныя яфетическія пережитія, именно въ тушинскомъ, нашъ суф-фиксъ $-eš$ появляется съ такимъ же иррегулярнѣе a : qodj-eš-a *адъ*, votj-eš-a *Армѣя*.

3) Кстати, ввиду морфологической эквивалентности съ этимъ q суф-фика t , геср. $d > \dot{d}$, въ формѣ названія того же пункта, сохраниенной Птолемеемъ (V, с. 11, § 8), — Mστλῆτις t , слѣдующій за основою mes- , вм. ожидавшагося q перестаетъ представляться искаженіемъ (ср. Н. Марръ, п. с., стр. 404, прим. 5), что касается слѣдующаго за нимъ звука (λ), онъ можетъ быть вторичнымъ, уже картскимъ , нарощеніемъ показателя множественности $l (< n)$ того же типа, какъ въ терминѣ qarš-l-i *Грузія*, буква карты .

на югѣ отъ клина — чаны; оставшіеся на югѣ чаны сильно уменьшились въ числѣ.

Но раньше, чѣмъ расколотъ клиномъ тубал-каинскую массу, грузины должны были сдѣлать брешь въ сплошномъ сванскомъ населеніи и обсесть между ними болѣе широкою частью клина; этимъ движеніемъ барбовъ сваны, по всей видимости, также были разбиты на сѣверныхъ и южныхъ: южные, открытые всѣмъ вліяніямъ, были или грузинизованы или арменизованы; сѣверныхъ, постепенно заливали потоки яфетическихъ племень, факторы вторичной тубал-каинизации, черезъ мшигрельцевъ, и позднѣе усиливавшейся грузинизации: напоръ иноплеменниковъ былъ, очевидно, настолько сильный, что сваны проникли за трудные перевалы въ высоты Кавказскихъ горъ, да и оттуда прорвался на западъ къ побережью Чернаго моря, гдѣ, сѣмшавшись съ племенами иной расы, удержали однако яфетическое этническое свое названіе abasj (> abqaz). Лишь часть ихъ, застрявшая въ предѣлахъ нынѣшней Сваніи, сохранилась въ жалкомъ числѣ 23-хъ тысячъ: эта горсть свановъ въ данный моментъ — одна изъ лучшихъ хранительницъ исконныхъ яфетическихъ традицій и единственная живая представительница утраченнаго на югѣ чрезвычайно важнаго лингвистическаго звена. На ея изученіе теперь возлагается не безъ основанія добрая часть надеждъ при рѣшеніи очередныхъ задачъ въ нашей научной области, а съ ихъ рѣшеніемъ въ значительной степени связаны крупнѣйшіе культурно-историческіе вопросы передней Азии.

Н. Марръ.

Отдѣльный оттискъ изъ «Христіанскаго Востока». Томъ II, вып. I.

Напечатано по распоряженію Императорской Академіи Наукъ.
Май, 1918 г.

Непрежніи Секретарь, Академіи С. Ольденбургъ.

Типографія Императорской Академіи Наукъ (Вас. Остр., 9 л., № 12).